

Зимний цветок

Автор:

[Т. Браун](#)

Зимний цветок

Т. Дж. Браун

Аббатство Саммерсет #2

Англия. Эпоха короля Эдуарда. Холодная зима 1914 года.

Ровена Бакстон пытается найти утешение для своего разбитого сердца, загладить ошибки, сделанные в прошлом, и неожиданно связывает свою судьбу с совершенно не подходящим для нее человеком. Ее младшая сестра Виктория презирает сословные предрассудки, терпеть не может светские мероприятия, а мысль о замужестве приводит ее в ярость. Но все ее рассуждения рассыпаются как картонный домик, когда она внезапно встречает любовь. Пруденс Стэйт росла и воспитывалась вместе с сестрами Бакстон, однако, узнав тайну своего рождения, она покинула аббатство Саммерсет и вышла замуж за бедного студента. Теперь она влачит жалкое существование в убогой лондонской квартирке и каждый день думает о том, не совершила ли она ужасную ошибку.

Узы, связывающие этих трех женщин, сильнее, чем узы крови. Они бросают вызов высшему свету в годы, когда над Англией сгущаются тучи грядущей войны.

Впервые на русском языке!

Т. Дж. Браун

Аббатство Саммерсет

Книга 2

С любовью и благодарностью посвящается талантливым докторам и замечательным людям Колину Кэйву и Кейти Деминг, а также их командам

Глава первая

Виктория нетерпеливыми шагами мерила внушительный Главный зал Саммерсета. В Лондоне почта приходила каждый день, в одно и то же время, по ней можно было сверять часы. Но в огромном деревенском поместье, которое сестры Бакстон поневоле теперь называли домом, время прибытия писем отличалось непредсказуемостью и зависело от оставленных дядей указаний. А когда граф Конрад уезжал по делам, за почтой ездили от случая к случаю, если только графиня не ждала важного приглашения на светский раут или не рассылала свои.

В конце зала девушка разворачивалась и упрямо направлялась в обратную сторону. Лишь краем глаза она отмечала фривольные пятна света, танцующие меж мраморных колонн, и поразительной красоты фрески на потолке с парящими над полем битвы ангелами, хотя обычно с удовольствием их разглядывала. А все из-за никуда не годной доставки почты, что уходила корнями в дряхлое Средневековье. Виктория выскочила бы на подъездную аллею, но опасалась возбудить подозрения – тетя Шарлотта, она же леди Амброзия Хаксли Бакстон, знала обо всем, что происходит в Саммерсете.

Или почти обо всем. Виктория довольно улыбнулась. Тетя и не представляла, как часто племянница запирается в облюбованной комнате заброшенного крыла и оттачивает мастерство печати на машинке и скорописи, изучает ботанику и даже пишет собственные статьи об особенностях тех или иных видов растений. Графиня не подозревала, что ее собственная дочь Элейн за считанные секунды способна смешать крепкий коктейль с джином. Или что старшая сестра Виктории Ровена летала на настоящем аэроплане и целовалась с пилотом. Так что суровая тетя Шарлотта не такая уж вездесущая.

Зато леди Саммерсет знала, как избавиться от Пруденс. Девушка нахмурилась, от грустных воспоминаний сдавило грудь.

На парадной дорожке зашуршали автомобильные шины, и Виктория ринулась к черному ходу под лестницей. Сейчас ее не заботило, как отнесутся к вторжению в свое царство слуги. Почту доставляли мистеру Кэрнсу, дворецкому, а тот уже сортировал ее по адресатам и разносил тете Шарлотте, дяде Конраду и другим обитателям особняка. Но сейчас девушка не могла ждать, пока драгоценное письмо доберется до нее. Она тщательно считала дни и совершенно точно знала, что ответ придет именно сегодня.

Встреченные по дороге слуги почтительно склоняли головы. Без сомнения, графиня Саммерсет уже слышала о внезапном интересе к почте, проявляемом младшей племянницей. На случай расспросов Виктория заготовила объяснение, что ждет весточку от подруги, и собиралась сопроводить его нытьем об удручающей скуке деревенской жизни. Тетя Шарлотта не выносила жалоб.

– Для меня есть что-нибудь? – С таким вопросом девушка сунула голову в дверь кабинета Кэрнса.

Дворецкий вздрогнул, и Виктория подавила улыбку. Она не оставляла попыток застигнуть этого в высшей степени сдержанного мужчину врасплох, и пару раз даже добилась успеха. Сестры Бакстон проводили в Саммерсете почти каждое лето, и Виктория еще в детстве поставила себе целью растормошить лишнего, казалось, человеческих чувств невозмутимого дворецкого. Она знала, что Кэрнс терпеть ее не может, и обычно сестры смеялись над его тактично сдерживаемой неприязнью.

Сейчас было бы разумнее задобрить сурового слугу, но старая привычка снова взяла верх.

– Я только начал просматривать почту, мисс Виктория, – поджал губы Кэрнс.

Девушке ничего не оставалось, как ждать, хотя от нетерпения трепетало все ее существо. Слуга нарочито медленно раскладывал письма по безупречно аккуратным стопкам. Заметив, как внезапно раздулись его ноздри, Виктория сразу поняла, что в адресной строке значится ее имя. Дворецкий протянул письмо, и девушка выхватила конверт у него из рук, будто боялась, что он

передумает.

– Спасибо, Кэрнс!

Она пулей вылетела из кабинета и понеслась в свою комнату. По дороге Виктория вознесла отчаянную мольбу о том, чтобы избежать встречи с кузиной. Не дай бог, та захочет тайком поиграть в бильярд или выкурить парочку сигарет, чтобы развеять скуку. Еще хуже было бы столкнуться с Ровеной. Старшая сестра в последнее время только и делала, что гуляла и каталась верхом. Так она избавлялась от чувства вины за изгнание Пруденс. Виктория сочувствовала и сестре, и кузине, но сейчас ее ждали более важные вещи.

В своих покоях она положила письмо на белый, с золотой инкрустацией, туалетный столик в стиле ампир и уставилась на конверт. Она так долго ждала ответа, что сейчас боялась на него взглянуть – а вдруг он окажется совсем иным, чем мечталось? В конце концов девушка собралась с духом, прошла по мягкому аксминстерскому ковру и уселась с письмом в руках на полосатую бело-голубую софу у небольшого камина.

Не так давно няня Айрис, подруга и наставница Виктории, а также выдающаяся травница, вдохновила ее на написание статьи об *Althea officinalis*, или алтее, как его называли в простонародье. В работе девушка сделала акцент на лечебные свойства и применение алтея в народной медицине, особенно среди бедняков. Статью она отправила в свой любимый ботанический журнал, и, к немалому удивлению, редактор откликнулся, похвально отозвался о содержании и дал несколько советов, как улучшить слог. И самое главное, выразил готовность рассмотреть статью еще раз после правок. Виктория десять раз тщательнейшим образом перепечатала ее на новой пишущей машинке, спрятанной в тайной комнате. Затем отослала обратно с молитвой, чтобы работа понравилась редактору и вышла в печать.

От страха ее била нервная дрожь. Ответ она держала в руках. Не в силах больше оттягивать, Виктория принялась рыться в ящиках столика, пока не нашла нож для бумаги. Из конверта выпал клочок и легко порхнул на пол. Виктория смотрела на него, не веря своим глазам. На полу лежал чек.

Следом выскользнул лист бумаги; на верхнем поле красовалась монограмма журнала: «Ежеквартальный ботанический вестник», 197, Лексингтон-плейс,

Лондон. Виктория с трепетом очертила тисненые буквы пальцем. Они с отцом, известным ученым, захлеб читали каждый номер, как только тот выходил из печати. Сэр Филип сумел привить дочери интерес и любовь к растениям. Общая страсть заметно сблизила их в последние годы. Девушка всегда считала ее особой, принадлежащей только ей одной, связью с отцом.

Сэр Филип гордился бы сейчас дочерью.

Виктория недовольно смахнула набежавшие слезы.

Многоуважаемый В. Бакстон!

Благодарим за правки, проделанные в статье «*Althea officinalis* и его лечебные свойства, известные среди низшего сословия». Рад сообщить, что Ваша работа выйдет в печать в летнем издании «Вестника». Ждем следующих статей на ту же тему. Скажите, не рассматривали ли Вы возможность провести исследование о применении лекарственных растений среди обездоленных слоев населения? В любом случае благодарим за вклад в науку. Если в ближайшее время в Ваши планы входит посещение Лондона, буду рад личной встрече в издательстве.

С уважением,

Гарольд Л. Герберт, выпускающий редактор
«Ежеквартального ботанического вестника»

Виктория перечитала письмо и наклонилась за чеком. Десять фунтов. Мало того что статью опубликуют, работа получила похвальную оценку и достойное вознаграждение.

Со счастливым вздохом она откинулась на спинку софы. Кому бы рассказать? Кто способен понять ее радость? Только не Ровена – в последнее время сестра полностью потеряла вкус к жизни, непрестанно грустила и весь день бродила по своей комнате в утреннем платье. Да и кухне Элейн не стоит говорить. После смерти сэра Филипа девушки сблизились, но не настолько, чтобы доверять друг другу секреты. Можно поделиться с Китом, но тот приедет лишь в выходные – если вообще приедет. Обычно молодой лорд Киттредж посещал особняк вместе

с сыном хозяев Саммерсета Колином, когда юношам удалось вырваться из университета. Кит поймет ее радость, даже восхитится успехами, но, конечно, он не упустит случая выдать гадкую шуточку.

Но единственный человек, к кому Виктория обратилась бы в первую очередь, потерян для нее уже больше месяца. Она так давно не видела Пруденс. Боль от внезапного отъезда названной сестры не утихла со временем, однако, как бы Виктория ни скучала, она понимала, почему Пру не могла оставаться в Саммерсете. Виктория и сама бы сбежала в подобной ситуации. А что еще делать, если внезапно обнаружить, что замешана в семейном скандале, который хозяйка дома много лет хранила за семью печатями?

Повинуясь порыву, Виктория дернула колокольчик и принялась ждать Сюзи. Девушка не могла вынести мысль, что тетя просто заменит Пру, будто обычную, ничем не примечательную горничную, и попросила приставить к ней маленькую посудомойку. Теперь Сюзи не только следила за ее туалетом, но и составляла компанию в минуты одиночества. В свое время Сюзи, единственная из слуг, отнеслась к новенькой камеристке с добротой, и, хотя девочка не могла полностью заменить потерянную подругу, в ее присутствии Виктория не так тосковала по Пруденс.

В комнату ворвалась Сюзи; чепец сидел на ней набекрень.

– Прошу прощения, мисс. Вы позвонили, когда я мыла посуду, а Стряпуха никак не могла найти мой чепец... – Девочка смолкла и внимательно оглядела Викторию. – Мисс, у вас такой вид, будто вы получили лучший подарок на свете!

Виктория улыбнулась и помахала чеком:

– Так и есть. Правда, это не подарок, но только взгляни, что принес мне почтальон!

Сюзи прищурилась и подошла ближе:

– Похоже на чек, мисс. Десять фунтов?

Виктория кивнула и закружилась по комнате:

– Да! Мне заплатили за статью об алтее! Представляешь?

Посудомойка распахнула глаза и затрясла головой:

– Да вы что! За статью в газете?

– В журнале.

– Ой, это просто замечательно, мисс! Помню, как-то в «Саммерсет уикли» напечатали один рецепт моей матери, мы так ею гордились. Хотя вы, видно, о чем-то другом говорите?

– Немного. – Виктория закусила губу от смеха. – Думаю, твоя матушка была счастлива.

– Еще бы, да и вся семья радовалась. Вы хотели что-то еще, мисс?

Виктория отрицательно покачала головой. В груди медленно оседало разочарование. Пруденс отреагировала бы совсем по-иному. Даже Кейти, горничная в лондонском доме Бакстонов, поняла бы значимость события. Виктория всегда считала смышленную служанку подругой; к тому же они вместе обучались машинописи в Школе секретарей для юных леди мисс Фистер. Наверное, все потому, что Виктория совсем не знает Сюзи, ведь та была подругой Пруденс, а не ее.

Посудомойка направилась к двери.

– Подожди.

Сюзи повернулась, и Виктория заметила, что чепчик, который по требованиям этикета следовало надевать при посещении господских покоев, все еще сидит криво на ее голове.

– Ты получала новости от Пруденс?

– Да, мисс. – По невзрачному лицу Сюзи расплзлась широкая улыбка. – Как раз на днях пришла весточка. Ой, у нее все отлично! Пруденс написала, что сначала,

пока подыскивали жилье, они с Эндрю остановились в шикарном отеле и обедали в самых дорогих ресторанах. Недавно они сняли очень хорошую квартиру рядом с колледжем, где Эндрю учится на звериного доктора. Когда он выучится, они переедут в просторный деревенский дом. Наша барышня даже обзавелась собственными слугами.

Виктория грустно улыбнулась. Ее радовало, что вдали от Саммерсета названная сестра сумела обрести счастье. Но радость омрачалась чувством вины и печалью.

- Ты уже отправила ответ?

- Как раз вечером собиралась написать ей, - покачала головой Сюзи.

- Я дам тебе записку, приложишь к своему письму, хорошо? У меня еще не набралось новостей на полное письмо... - Виктория замолчала. Ей не хотелось признаваться, что Пруденс ни разу не написала ей после отъезда и у нее нет даже адреса беглянки.

- Конечно, мисс, - закивала Сюзи. - Пишите, я перед сном отнесу письмо мистеру Кэрнсу для отправки.

Виктория поспешила к столу. Взяла лист бумаги, обмакнула в чернильницу перьевую ручку из слоновой кости.

«Дорогая Пруденс», - вывела она, и тут на бумагу капнула огромная клякса. Что сказать? Попросить прощения? Но за что? За то, что ее отвратительный дед, не умеющий отказывать себе в утехх патриарх семьи Бакстонов, прельстился матерью Пруденс, тогда еще молоденькой служанкой в особняке? Или за невыносимое ханжество собственной семьи? А может, Виктория виновата в том, что не сумела заступиться за подругу, когда ту отправили в крыло для прислуги, стоило сестрам Бакстон ступить на землю Саммерсета? Или выразить обиду на поведение Пруденс после отъезда? Почему она не давала о себе знать со дня свадьбы с тем милым лакеем? Писала Сюзи, но холодно игнорировала Викторию, а ведь они выросли вместе и считали себя сестрами.

Девушка бессильно откинулась на спинку стула. На нее заново нахлынула тяжесть непоправимой трагедии. Может, если сделать вид, что ничего не

произошло, она сумеет что-то написать... но нет. Ровена долго закрывала глаза на невыносимую ситуацию, пока события не подошли к логическому концу. Одного лишь желания, чтобы все сложилось иначе, недостаточно.

Виктория сделала глубокий вдох, достала чистый лист и начала заново.

Моя дорогая Пруденс!

Надеюсь, письмо найдет тебя в добром здравии и хорошем настроении. Сюзи говорит, что вы обживаетесь в новом доме и Эндрю готовится к экзаменам. Позволь пожелать ему удачи. Уверена, все обернется в лучшую сторону.

Она остановилась и задумчиво прикусила большой палец. Вдруг Пруденс решит, что письмо написано чересчур покровительственно. Будто Виктория не верит в способности Эндрю. Вот проклятье! Она решительно потрясла головой и продолжала:

Хочу поделиться с тобой приятными новостями. Я написала статью об алтее – из тех самых научных статей, что так занимали нас с отцом, а на вас с Ровеной наводили смертельную скуку, помнишь? Так вот, я отправила работу в «Ботанический вестник». И что ты думаешь? Она понравилась редактору! Мне даже прислали чек на десять фунтов, а редактор выразил интерес к последующим статьям! Видишь, отец не зря брал меня с собой на лекции. Возможно, когда-нибудь я тоже стану известным ученым, поскольку теперь понимаю, что ботаника – мое призвание. Я не стала никому говорить, милая Пруденс, все равно они не поймут...

Виктория остановилась и со всхлипом втянула воздух. Горе по отцу грозило перелиться через край, но она взяла себя в руки и закончила письмо:

Скучаю по тебе так сильно, что не выразить словами.

Она снова запнулась, не зная, стоит ли упоминать Ровену, но потом передумала. Пусть старшая сестра сама ищет пути примирения. Виктория твердо знала одно: для нее жизнь без лучшей подруги становится невыносимой.

С нетерпением жду ответа.

Целую, Вик

Затем пожевала кончик вечного пера и добавила строфу из поэмы Элизабет Браунинг «Мое сердце и я»:

Так чем я отплатить тебе могу —

Затворница печали? Чем любовней

Слова мои, тем глуше и бескровней.

Слезами, что я в сердце берегу —

Иль вздохами? Их на любом торгу

Возы, и вороха – в любой часовне.

Вот так. Теперь письмо закончено. Виктория убрала ручку с чернильницей и оставила листок сохнуть на столе. Затем встала и потянулась. Ей хотелось ринуться в заброшенное крыло и без промедления приступить к работе над следующей статьей, но Виктория понимала, что слишком взбудоражена. И тут она вспомнила о человеке, которого новости наверняка приведут в восторг. Надо рассказать няне Айрис – ведь именно она подала идею написать о лекарственных свойствах растений.

Часом позже Виктория сидела за столом в кухне пожилой женщины и с аппетитом уплетала сдобные булочки с кремом. Даже повариха тети Шарлотты, которую все звали просто Стряпуха и которая славилась своими талантами, не могла превзойти выпечку няни Айрис.

Крохотные окошки теплой, уютной кухни закрывали клетчатые занавески, а над раковиной в ряд висели кастрюли и ковшики. Тщательно вымытый каменный пол местами потрескался и истерся, но в целом небольшой дом был очаровательным. На Викторию тут всегда снисходило умиротворение.

– Чудесная новость, моя дорогая. Отец гордился бы тобой, – улыбнулась старая женщина.

Она стояла у плиты и помешивала отвратительно пахнущее варево. Тем не менее няня Айрис уверяла, что настойка поможет при трудностях с дыханием.

Виктория молча кивнула, у нее перехватило горло. Няня Айрис с пеленок растила ее отца и заодно научила всему, что сама знала о растениях, – так же как сейчас обучала его дочь.

Няня Айрис подошла к столу и погладила ее по голове. Хотя в ее присутствии девушка всегда ощущала себя ребенком, а не уверенной в себе молодой женщиной – образ, к которому Виктория стремилась изо всех сил, – от ласки няни Айрис неизменно становилось тепло на душе. Когда с ней носились Ро и Пру, она, как правило, обижалась на покровительственное отношение.

Вытерев руки о накрахмаленный белый передник, няня принялась перечитывать письмо, хотя просмотрела его уже трижды. Виктория сияла от счастья. Правильно она сделала, что пришла сюда.

Неожиданно пожилая женщина нахмурилась:

– А почему ответ адресован В. Бакстон, а не Виктории? Да еще и с припиской «многоуважаемый»?

Девушка запила последний кусочек булочки чаем.

– Хм? А, да. Я подумала, если подписаться полным именем, кто-нибудь меня вспомнит или догадается, что я дочь сэра Филипа. Я горжусь работами отца, но все же хочу добиться признания благодаря собственным заслугам.

– Весьма похвально, – пробормотала няня Айрис. – А других причин не было?

– Ну, я подумала, что так подпись выглядит солиднее. В. Бакстон. Разве нет? – Виктория широко улыбнулась, но при взгляде на лицо старшей подруги улыбка растаяла. – Что-то не так?

– Значит, этот редактор, Гарольд Л. Герберт, не знает, что ты женщина?

– Видимо, нет, – признала Виктория. – Но разве это имеет значение?

– Нет, конечно нет, – твердо согласилась няня Айрис и потрепала девушку по руке.

Тем не менее у Виктории зародились сомнения. Если разницы быть не должно, это не значит, что ее нет.

* * *

Над Саммерсетом нависло тяжелое зимнее небо – такое же унылое и тусклое, как настроение Ровены. За несколько недель после отъезда Пру старшая сестра выработала для себя целый набор привычек, призванных как можно меньше занимать ум и сердце. В последние четыре месяца столько всего произошло: умер отец, сестры лишились дома, где провели детство, сбежала Пруденс. Пустота казалась намного предпочтительнее безустанного хора сомнений и поисков своих ошибок.

Ровена снова подняла глаза к небу. При воспоминании о поцелуе на замерзшем озере пальцы бессознательно коснулись губ. Она не видела Джонатона уже несколько недель. Даже небо над аббатством Саммерсет казалось пустым и тихим без рева самолета. После разговора на катке пилот без объяснений забросил еженедельный ритуал. Ровена гадала, не обернулись ли попытки Джорджа положить конец ее дружбе с братом неожиданным успехом. Старший сын Уэллсов, казалось, возненавидел девушку, стоило ему узнать, что она носит фамилию Бакстон.

Она прикрыла глаза и выдохнула имя: «Джон».

Попыталась вспомнить небывалую синеву его глаз или то, как растягивались тонкие, четко очерченные губы в адресованной ей одной улыбке, но видела

лишь расплывчатые образы. Их тут же вытесняло воспоминание о полете. Оно сохранилось в памяти во всей полноте: трепет при отрыве от земли и парящая легкость над облаками. В небе Ровена чувствовала себя свободной, не связанной никакими обязательствами, словно оставила все проблемы внизу. Воспоминание всплыло так отчетливо, что ей даже почудился порыв холодного ветра.

Не находя себе места, она захлопнула лежащую на коленях книгу.

Даже в детстве Ровена не воспринимала жизнь настолько захватывающей и удивительной, какой ее считала младшая сестра, но дни, по крайней мере, протекали интересно и приносили удовольствие. Теперь же Виктория кружилась вокруг нее взволнованной пчелой, то уговаривала, то обвиняла, но слова не достигали цели. Будто их разделяла стена из полупрозрачного желе. Все, из чего состояла жизнь Ровены сейчас – смена нарядов к завтраку, обеду и ужину, прием гостей леди Шарлотты, даже редкие поездки в городок, – все это воспринималось как бессмысленная и утомительная трата времени.

Поэтому Ровена только и делала, что захлеб читала. Библиотека в Саммерсете насчитывала тысячи томов. Девушка вытягивала книги с полок наугад и редко помнила их содержание, но во время чтения в голове не оставалось места для незваных мыслей. Когда книги надоедали, она велела седлать лошадь и неслась как одержимая по холмам, оглядывая долину внизу. Ровена не хотела признаваться даже себе, что ее не покидает надежда заметить летящий высоко в небе аэроплан.

– Да, пожалуй, хватит.

Она вздрогнула от неожиданности. Подняла голову и выглянула из ниши у окна гостиной, где сидела. С целеустремленностью разъяренной гусыни на нее надвигалась тетя Шарлотта. Графиня правила Саммерсетом уже двадцать пять лет, и титул давно отпечатался в величественной осанке и горделивой посадке головы на длинной, изящной шее. Голубые глаза и темные волосы, что в свое время покорили даже двор принца Уэльского, до сих пор не утратили привлекательности, но кожа с возрастом потеряла упругость, а черты лица – высеченную резцом скульптора четкость.

Если когда-то появление ее светлости зажигало страстью сердца, то сейчас Ровена испытывала откровенный страх. Графиня редко повышала голос, ее гнев

проявлялся в ледяном тоне и больно жалящих словах.

Несмотря на испуг, девушка вытянулась в струнку:

– Доброе утро, тетя Шарлотта. Чем вы недовольны?

Графиня выхватила из рук Ровены книгу:

– Хватит читать. Хватит дуться. – Голос ее на йоту смягчился. – Хватит горевать.

– Но я люблю книги, – сумела выдавить сквозь ком в горле Ровена.

– Глупости. Вернее, совершенно не важно, любишь ты их или нет. Чтение портит глаза, а если начнешь щуриться, появятся морщины. А еще тебе грозит сутулая спина и уродство. Ты же видела Джейн Ворт, не так ли?

– Вы о той невысокой даме с... – Ровена взмахнула рукой, очерчивая невидимый горб.

– Она с детства читала как одержимая, – сурово закивала тетя.

Ровене хотелось поспорить. Наверняка существовала другая причина. Но графиня продолжила:

– И, откровенно говоря, дитя мое, ты выглядишь ужасно. Посмотри на себя: лоб жирный, волосы висят космами, и даже боюсь предположить, когда ты в последний раз принимала ванну. Ты одна из самых красивых девушек, что мне доводилось видеть на своем веку, но сейчас тебя и мимолетным взглядом никто не удостоит. Так что хватит.

Ровена потрясенно заморгала. Тетя считала ее красавицей? Но никогда раньше она не была щедра на комплименты.

К удивлению девушки, графиня присела рядом на обитую шелком софу и стиснула ее руку. Ровена попыталась припомнить, когда в последний раз тетя ласково к ней прикасалась, но на ум не приходило ни единого случая. Даже в раннем детстве, когда сестры Бакстон проводили в Саммерсете каждое лето,

графиня вела себя отстраненно.

– Понимаю твою потерю. Я тоже рано лишилась отца. Но ты молода, и если бы Филипп мог видеть тебя сейчас, у него разорвалось бы сердце.

Грудь свело болью. Не важно, какие мотивы преследует леди Саммерсет. Ровена без тени сомнения знала, что отец не одобрил бы ни хандру, ни потерю интереса к жизни. Она часто представляла его разочарование в старшей дочери из-за предательства по отношению к Пруденс. Но Ровене и в голову не приходило, что в равной степени сэра Филиппа огорчило бы и то, как она обращается с собой.

– Вы правы, – покорно кивнула Ровена. – Пойду приму ванну.

Тетя Шарлотта легонько сжала ее руку и отпустила.

– Будь добра. Я сказала Элейн, что ей не придется сопровождать меня сегодня к соседям. Ты поедешь вместо нее. – Ровена открыла от удивления рот, и графиня довольно улыбнулась. – Так что оденься соответственно.

И в триумфальном шелесте юбок леди Саммерсет удалилась.

Через час, после ванны, Ровена сидела перед зеркалом, а Сюзи все еще пыталась высушить ее волосы.

– Будь у вас поменьше волос, было бы легче, – пожаловалась она, отделяя прядь, расчесывая и снова вытирая полотенцем.

– Если остричь волосы покороче и отказаться от корсетов, я смогла бы одеваться сама, причем вдвое быстрее, – согласилась Ровена.

– Эти дни не за горами. Помяните мои слова.

Ровена слабо улыбнулась: хотела бы она обладать подобным оптимизмом. Если подумать, то она мечтала ощутить что-нибудь, помимо грусти.

– Ее милость заходили, пока вы были в ванной, и подобрали наряд для визита. Чудесное платье, мисс, вы в нем будете настоящей красавицей. То есть... Я

имела в виду, вы и так... – Сюзи со вздохом прикрыла глаза. – Прошу прощения, мисс. Боюсь, для камеристки у меня слишком длинный язык.

Поступок тети настолько поразил Ровену, что смущение Сюзи она пропустила мимо ушей.

– Заходила? И что она выбрала?

Ровена встала из-за туалетного столика.

– Темно-синий костюм для прогулок, мисс.

Сюзи помогла надеть сорочку, камисоль, корсет и нижнюю юбку, а затем принесла шерстяной костюм. Ровена никогда его раньше не видела и чуть не выразила удивление вслух, но вовремя сдержалась. Очевидно, тетя решила сделать ей подарок, причем без лишней суматохи. Безупречного покроя жакет украшала черная тесьма на лацканах и манжетах, и такая же отделка обрамляла подол юбки. Присборенная талия придавала фигуре мягкость и элегантность. Девушка задумчиво провела пальцем по ряду затейливых пуговиц из черного дерева. Вызывающая, современного покроя юбка не доставала до земли на целых четыре дюйма. Либо ее шили для кого-то ниже ростом, либо графиня Саммерсет питала тайное пристрастие к последним веяниям моды.

Поскольку Сюзи не имела опыта с прическами, волосами Ровены занялась Гортензия, личная камеристка графини. Заодно француженка поучала молодую горничную. Вызванное дополнительными обязанностями и необходимостью давать уроки обычной посудомойке недовольство Гортензии явственно читалось в поджатых губах.

– Pourquoi dois-je enseigner cette idiote?[1 - И почему мне приходится учить эту дурочку? (фр.)] – бормотала себе под нос камеристка.

– Soyez prudente, je parle bien le français[2 - Выбирайте выражения, я-то говорю по-французски (фр.)], – не выдержала Ровена.

Сюзи уставилась на француженку яростным взглядом. Девочка не поняла, о чем идет речь, но тон ей не понравился. Гортензия обиженно замолчала, но без

возражений показала, как сделать простой низкий пучок – любимую прическу Ровены. В конце камеристка протянула Сюзи расчески и щетки:

– Не забывай их мыть, когда заканчиваешь причесывать госпожу.

С поверхностным, граничащим с дерзостью реверансом француженка вышла из комнаты.

После ее ухода лицо Сюзи сморщилось от неприязни, но она смолчала. Ровена вспомнила жалобы Вик – по словам сестры, личная горничная леди Саммерсет вела себя с Пруденс особенно грубо – и подавила желание тоже скорчить гримасу.

Для завершения наряда Ровена выбрала круглую голубую шляпку, отделанную кружевом и черными розами, со свисающим над ухом страусовым пером.

Графиня встретила появление племянницы в нижнем зале одобрительным кивком, но ничего не сказала. Элейн, в простом платье для чая, чмокнула кузину в щеку.

– Спасибо, что согласилась поехать вместо меня, – прошептала она. – Удачи.

Ровена улыбнулась в ответ. Она никак не могла привыкнуть, что застенчивая, затюканная пухлая девочка выросла в красивую, жизнерадостную женщину. Должно быть, в швейцарском пансионе для благородных девиц умели творить чудеса. Или же год, проведенный вдали от матери, подарил Элейн возможность расцвести и поверить в себя.

– Я все слышала, – заявила графиня, выходя за дверь.

Элейн подмигнула и помахала рукой. Ровена последовала за тетей.

– Автомобили – лучшее изобретение в истории человечества, – заявила тетя, когда обе устроились на просторном заднем сиденье. – Раньше, в экипаже, я могла объехать лишь ближайших соседей. Теперь же каждый визит занимает намного меньше времени, так что я могу отделаться от них одним махом.

Неожиданно для себя Ровена почувствовала прилив любопытства. Оказывается, она совсем не знала эту величественную, устрашающую в своей элегантности женщину.

– Но, тетя Шарлотта, я думала, вам нравится наносить визиты?

– Избави бог, – фыркнула леди Саммерсет. – По крайней мере, в последние годы. Были времена, когда посещение соседей приносило мне удовольствие, не скрою. Но все недельные сплетни пересказывают уже в первом доме, а во всех остальных их только повторяют. Представь, как скоро это надоедает.

У Ровены против воли вырвался удивленный смех.

– А в Лондоне разве не так?

– О нет. В столице все гораздо интереснее, поскольку сплетни там бесконечные.

– И куда мы едем? – поинтересовалась Ровена, откидываясь на обитую кожей спинку сиденья.

– Сначала остановимся у Эндикоттов. Их наверняка нет дома. Затем поедem к Кинкэйдам. Вот они точно дома, к тому же мне нравится новая жена Дональда, и она будет польщена визитом. После заедem к Биллингсли. Дорога до них неблизкая, но Эдит – моя подруга, и нам нужно многое обсудить.

– Я не знала, что лорд Биллингсли живет по соседству.

– На самом деле нет. В карете пришлось бы добираться полдня. Даже на автомобиле поездка займет два часа, но по дороге мы сделаем еще несколько остановок, так что скука нам не грозит.

Тетя Шарлотта рассчитала все до мелочей. Эндикотты действительно отсутствовали, так что графиня оставила карточку, и автомобиль тронулся к особняку Кинкэйдов. Молодая миссис Кинкэйд обладала чувством юмора, приятной внешностью и почтительно робела в присутствии леди Саммерсет, так как была моложе прежней супруги Дональда Кинкэйда лет на двадцать. В машине тетя Шарлотта пожаловалась, что покойная жена лорда отличалась

несколько воинственным нравом, и Ровена не удержалась от хихиканья. Графиня наградила ее редкой улыбкой:

– Я не шучу. Из молодой миссис Кинкэйд получится хорошая жена для Дональда, к тому же она наконец-то сможет подарить ему детей. – Леди Саммерсет поискала под сиденьем и достала красную бархатную подушечку с золотыми кисточками. – Советую тебе отдохнуть, милая. До Эддельсон-Холла еще час езды.

Ровена подложила подушку под голову. Ее смущало поведение тети. Никогда еще она не находила общество величественной леди Саммерсет настолько приятным и интересным. Девушка гадала, почему тетя выбрала в сопровождающие ее, а не родную дочь. Неужели она искренне переживает за племянницу? Или же, как часто случалось с тетей Шарлоттой, ею руководят скрытые мотивы?

Видимо, Ровена задремала, поскольку, когда открыла глаза, автомобиль уже стоял перед пышным особняком. По величине Эддельсон-Холл не шел в сравнение с Саммерсетом, но вполне мог соперничать с ним в очаровании. Две круглые башни по краям полностью заросли плющом, а с фасада глядело столько окошек с мелким переплетом, что казалось, будто стены сделаны из стекла.

Дворецкий встретил гостей и взял их визитную карточку, затем попросил обождать и направился в гостиную, где, очевидно, ожидала его госпожа. Ровена хотела поинтересоваться у тети, не находит ли она подобные формальности в высшей степени глупыми, но побоялась переступить границы дозволенного и разрушить зарождающуюся теплоту.

Слуга вернулся в мгновение ока, и гости проследовали за ним через анфиладу изысканных покоев, отделанных во французском провинциальном стиле. Как ни странно, Ровена подозревала, что жить в них не настолько уютно, как кажется на первый взгляд. Прозвучало представление, и Ровену окружил поток приветствий. Помимо леди Биллингсли, в гостиной присутствовали еще четыре дамы – светские львицы, смысл жизни которых заключался в приглашении сюда на чай по вторникам. Девушка всегда недолюбливала поверхностную болтовню высшего общества и сейчас начала жалеть, что согласилась отправиться с тетей. Хотя, если не обманывать себя, ее согласия никто и не спрашивал.

– Мисс Бакстон!

Ровена с облегчением повернулась на знакомый голос:

– Лорд Биллингсли, рада вас видеть.

Себастьян взял протянутую для поцелуя руку и склонился над ней.

– Как поживают ваша сестрица и Элейн? – спросил он.

– Хорошо, благодарю вас.

Леди Биллингсли одобрительно закивала:

– Почему бы молодежи не прогуляться по саду, пока мы перемываем косточки? Дождя вроде нет.

Она воинственно огляделась, будто высматривая бунтарей, осмелившихся возразить, что погода не благоприятствует прогулкам. Таковых не нашлось.

Себастьян протянул руку, и Ровена с облегчением взяла его под локоть. Хватит с нее на сегодня светской беседы. Если еще одна матрона с поджатыми губами спросит, как они с сестрой переносят смерть отца, истерического крика не сдержать.

Эддельсон-Холл обладал выдержанным шармом, которого был напрочь лишен Саммерсет, несмотря на все его великолепие. Молодые люди прошли мимо раздвижных дверей роскошной библиотеки с потрескивающим камином, небрежно расставленными по полкам книгами и вместительными кожаными креслами.

– Отец в детстве проводил лето в охотничьем домике деда, в Шотландии, – заметив ее интерес, улыбнулся Себастьян. – Мне говорили, что он воссоздал тамошнюю библиотеку, начиная с книг и заканчивая кочергой у камина. Моя любимая комната.

Ровена улыбнулась и прошла за спутником в огромный сад рядом с особняком. Она помнила, какими взглядами украдкой обменивались Себастьян и Пруденс, и часто гадала об их чувствах друг к другу. Но названная сестра сбежала после поспешного венчания с лакеем, так что все догадки потеряли смысл.

Хотя лорд Биллингсли по-прежнему время от времени навещал Саммерсет, он мало походил на беспечного юношу, с каким Ровена познакомилась осенью.

– Я скучаю по ней, – произнес Себастьян.

Ровена вздрогнула от неожиданности и бросила на него удивленный взгляд. Он кивком указал на посыпанную гравием дорожку, что извивалась между елей. Девушка последовала за ним. Видимо, он хочет поговорить в укромном уголке. Возможно, ему нужно излить перед кем-то душу.

Они обогнули небольшую рошу, где между серебристых сосен притаились вырезанные из гранита парковые скульптуры. Если Себастьян и желал беседы, он не торопился и заговорил только у небольшого замерзшего фонтана:

– Вы часто получаете от нее весточки?

У Ровены сжалось сердце. Она ясно расслышала сквозящее в вопросе одиночество.

– Не очень. – Помимо воли у нее вырвался неприятный смешок. – Вернее, вообще не получаем, хотя Вик недавно что-то слышала.

Молодые люди подошли к скамье и разом сели, словно прочитав мысли друг друга.

– Как я понимаю, она еще злится на вас?

– Я заманила ее в Саммерсет в качестве камеристки и разрушила все построенные за долгие годы отношения. Не думала, что обман продлится так долго и с Пруденс будут действительно обращаться как с прислугой... Не знаю, на что я надеялась, но Пруденс внезапно оказалась выброшенной совсем в другую жизнь и чувствовала себя несчастной.

Ровена упустила тот факт, что утаила от Пруденс и Виктории сдачу лондонского дома в аренду, но могла и не упоминать о скандале. Ведь Себастьян присутствовал при нем. Он видел реакцию Пруденс, когда та узнала, что сестрам Бакстон некуда возвращаться и они заперты в Саммерсете.

Девушка уставилась на замерзший пруд. Теперь она понимала, что чувствуют притаившиеся подо льдом рыбы, пока ждут оттепели.

– Она ничего мне не сказала. Мы говорили после вашей ссоры. Вы знали? – Себастьян поднял недоумевающие карие глаза. Ровена покачала головой. – Во дворе. Под деревьями. Она потеряла берет.

Он надолго замолчал. Ровена уже решила, что разговор окончен, когда лорд Биллингсли продолжил:

– Она собиралась принять место компаньонки одной моей знакомой. Я думал... – Он запнулся и посмотрел в мертвенно-серое небо. – Я думал, что нашел способ сделать ее счастливой. Что мы поняли друг друга. Очевидно, я ошибался.

Ровена вздохнула. Знал ли Себастьян, что Пру является дочерью старого графа Саммерсета? Хотя какая разница. Высший свет не одобрит брак графа и дочери незамужней горничной, кем бы ни был отец незаконнорожденного ребенка. Девушка украдкой взглянула на лорда Биллингсли: стоит ли сказать ему? Нет, она не предаст Пруденс еще раз.

– Пора возвращаться, – мягко сказала она.

Себастьян рассеянно кивнул, и пара медленно направилась к дому. По дороге Ровена пересказала услышанные от Вик новости: что Пруденс живет в Лондоне, чувствует себя хорошо и счастлива на новом месте.

– Я рад за нее.

– Надеюсь, когда-нибудь она простит меня, – закончила Ровена сквозь комок в горле.

Себастьян сжал ее локоть:

– Вы трое считали себя сестрами. Уверен, она не сможет долго таить обиду.

Когда они вошли, тетя Шарлотта собирала вещи:

– Чудесно, что вы вернулись. Мы собирались послать за вами служанку. – Затем леди Саммерсет повернулась к Себастьяну. – Когда ты возвращаешься в университет?

– Я уже закончил обучение. Ведь я начинал на семестр раньше Колина.

– Неужели? – Она положила руку ему на плечо и обворожительно улыбнулась. – Тогда не забывай нас. Уверена, девочки с удовольствием примут тебя за ужином, даже если Колина не будет дома. Разве не так, Ровена?

Девушка вздрогнула и послушно кивнула:

– Конечно.

Она случайно поймала многозначительный взгляд, которым обменялись тетя и леди Биллингсли, но не смогла его разгадать.

Дорога домой показалась долгой. Ровена мысленно все возвращалась к разговору с Себастьяном в саду. Значит, он до сих пор испытывает чувства к Пру? Возможно. Но разве они имеют значение, если она теперь замужняя женщина?

Глава вторая

Пруденс оглядела квартирку, в который раз недоумевая, как можно жить в двух с половиной комнатах с единственной уборной. И не замедлила обругать себя. Им повезло, что в квартире вообще есть уборная. К тому же можно наконец-то забыть о кишасей насекомыми ночлежке, где они с Эндрю провели первый месяц после приезда в Лондон.

Она сама не знала, чего ожидать, когда ступила на перрон из саммерсетского поезда. Она привыкла к тому, что важные решения принимает кто-то другой, и не сразу догадалась, что ее молодой муж, такой уверенный, когда дело касалось автомобильных моторов или животных, совершенно растерялся в толпе и чувствует себя в Кэмден-Тауне как выброшенная на берег рыба. Так что ей пришлось самой забрать багаж и найти недорогой пансион, а затем подыскивать квартиру рядом с Королевским ветеринарным колледжем и узнавать требования к поступлению.

Эндрю едва не отказался от своих планов.

- У нас нет таких денег! - восклицал он. - Это же целое состояние.

Пруденс спокойно объяснила, что денег хватит. Если жить экономно и немного подрабатывать, все получится.

- Ты предлагаешь мне жить за твой счет, - фыркнул Эндрю.

При всем желании Пруденс не могла с ним спорить.

- Зато потом, когда станешь ветеринаром, ты будешь содержать меня до конца моих дней, - разумно возразила она.

И Эндрю ничего не оставалось, как согласиться с ее доводами. К тому же, думала Пруденс с недавно обретенной холодной практичностью, у них все равно нет выбора.

А сейчас миссис Таннин стояла на пороге ее квартиры и недовольно поводила носом, уперев руки в бока.

- Сэру Филипу все это не понравилось бы.

Пруденс знала, что совершила ошибку, когда пригласила экономку из старого дома. Размерами квартирка едва могла сравниться с кабинетом из особняка Бакстонов в Мейфэре. Но Пруденс больше не считала себя дочерью сэра Филипа, так что рассчитывать на особняки не стоило.

– Сэра Филипа больше нет, а нам с мужем приходится жить по средствам.

– Но неужели вы думаете, что мисс Ровена и мисс Виктория оставят вас в нищете...

– Миссис Таннин! – Пруденс уязвленно вытянулась в полный рост. Нельзя сказать, чтобы она отличалась внушительным сложением, но над хрупкой, как Виктория, экономкой возвышалась почти на голову. – Будьте добры, не забывайте, что мы находимся в моем новом доме. Тут нет грязи и запустения. Квартира чистая, светлая и находится рядом с Королевским ветеринарным колледжем, где будет учиться мой муж. Что с того, что она небольшая.

О том, что на первом этаже под четырьмя квартирами располагается овощная лавка, Пруденс не стала упоминать. Неотступный запах сырого картофеля и так не давал забыть о соседстве.

Миссис Таннин стихла. Будь Пруденс в состоянии забрать свое имущество из особняка самостоятельно, она бы так и сделала. Лакей Карл помог донести тяжелые вещи, но девушка попросила старую экономку присутствовать при сборах, чтобы никто не заподозрил, что она могла прихватить лишнее. Ей не хотелось давать графу Саммерсету повод для обвинения в воровстве. Пруденс и так повезло, что снявшие особняк американцы еще не приехали. Ведь они имели полное право не пускать в дом незнакомую женщину.

– Прошу прощения, – наконец выдавила пожилая экономка. – Но я ничего не пойму. Сэр Филип умер, семья переехала в поместье, а три месяца спустя ты возвращаешься и собираешься жить в Кэмден-Тауне. Причем успела выскочить замуж за человека, который, уж не обижайся, совсем тебе не пара. Просто ума не приложу.

Пруденс сделала глубокий вдох, чтобы не дать воли закипающему раздражению. Ей даже пришлось напомнить себе, что экономка всегда по-доброму относилась к ее матери.

– Миссис Таннин, я польщена, что вы составили такое высокое мнение обо мне, но не забывайте, что моя мать служила гувернанткой. У меня нет родословной, нет титула и никакой кровной связи с аристократией. – Пруденс поджала губы, поскольку не вовремя вспомнила, что как раз таки имеет кровную связь с

вырастившим ее семейством, но тут же выбросила непрошеную мысль из головы. – Меня взяли в Саммерсет в качестве камеристки, причем обращались со мной так, будто я одним присутствием отравляю воздух в поместье. Я считаю, что сделала правильный выбор, учитывая обстоятельства.

– Не может быть, чтобы девочки так поступили! – вскричала экономка, прижав руку к сердцу.

В глазах миссис Таннин выросшие без матери дочери сэра Филипа оставались безупречными молодыми леди. Поэтому Пруденс решила умолчать, что именно Ровена виновата в большей части выпавших на ее долю неприятностей.

– Конечно нет, – сухо подтвердила она. – А сейчас будьте любезны, помогите передвинуть тот столик у плиты. Если поставить его боком, должен поместиться.

После ухода экономки Пруденс беспомощно оглядела сундуки и мебель. Она забрала из особняка только личные вещи, подаренные ей сэром Филипом и его дочерьми, но в новой квартире они выглядели неуместно громоздкими и пышными. Карточный столик, который она планировала использовать вместо обеденного, в особняке казался крохотным. Здесь он едва втиснулся в общее помещение, что служило и кухней и столовой. Как ни странно, вторая, выделенная под спальню комната была примерно такого же размера. Она располагалась в дальней от входа части, позади кухни, а небольшой альков у двери Пруденс определила под гостиную. Молодоженам досталась угловая квартира, которая хорошо освещалась двумя большими окнами в кухне – она же столовая – и тремя в гостиной, хотя встроенная под окнами софа занимала половину алькова. Пруденс едва нашла место для кресла с высокой спинкой и розами на обивке. Одному из сундуков, прикрытому бело-розовой шалью, предстояло играть роль кофейного столика, а если засунуть в угол оставшийся от прежних жильцов аляповатый торшер, то свободного места в гостиной не оставалось.

Пруденс взмахнула скатертью и покрыла ею карточный столик. Из складок материи на пол выпорхнул клочок бумаги. У девушки затрепетало сердце – письмо Виктории. Пруденс подняла листок и в который раз пробежалась глазами по строчкам. Пока она не решила, стоит ли писать ответ.

Очевидно, что не стоит рассказывать кому-либо в Саммерсете о теперешнем положении. Несмотря на браваду перед миссис Таннин, Пруденс и сама понимала, что стены в крохотной каморке давят, а обстановка не радует глаз. Ей не хотелось, чтобы Вик и Ро знали о ее стесненных обстоятельствах. Она спрятала письмо на полочке за угольной печкой. Потом. Она подумает об ответе позже. Сейчас голова занята другим.

Пруденс затащила чемоданы в спальню, старательно избегая взглядом постели. Им с экономкой пришлось нанять на улице двоих мужчин, чтобы те втащили кровать по узкой лестнице. Кровать вполне могла вместить обоих супругов, но целомудренное бело-голубое пуховое покрывало нелепо выделялось в голой, без изысков, комнате. Возможно, потому, что покрывало принадлежало другой жизни – той, что подойдет к концу сегодня на закате.

Как ни странно, Эндрю не спешил с первой брачной ночью, пока они спали на узкой кровати в ночлежке. Пруденс не жаловалась, наоборот, она испытывала благодарность мужу за его моральные принципы. Чтобы вместить всех приезжающих в столицу на работу, и без того крохотные номера пансиона разделили простынями на клетушки. Молодые супруги получили комнату с двумя женатыми парами, причем одна из пар не испытывала угрызений совести, исполняя супружеский долг каждую ночь, когда на расстоянии вытянутой руки спят соседи.

При воспоминании о неслыханных ранее звуках по другую сторону натянутой простыни лицо залило краской. Эндрю каждый раз замирал на узкой кровати и боялся пошевелиться. Значит, она верно истолковала странную возню. Несколько недель молодожены лежали неподвижно бок о бок, и Пруденс чувствовала тепло сильного тела мужа и волоски на руках. Только раз в жизни ее охватывало подобное ощущение, будто внутри тает и растекается масло, и, к великому стыду, не Эндрю был тому причиной. Более того, тот мужчина даже не дотрагивался до нее.

Пруденс часто гадала, что происходит после свадьбы. Порой сэр Филип брал их с собой на ферму, когда присматривал новую лошадь, и после поездки они с Ровеной оживленно перешептывались, хотя разговор всегда заканчивался смущенным хихиканьем. Несмотря на принятые в доме Бакстонов либеральные воззрения, сексуальное образование в них не входило.

Девушка прижала ладони к пылающим щекам. Сегодня они с мужем впервые разделят постель наедине, и ничто не помешает неизбежному. Мысль и пугала, и вызывала трепет. Как узнать, что надо делать? В замке повернулся ключ, и Пруденс виновато дернулась. Уже?

Она вбежала в гостиную, когда Эндрю переступил через порог. Муж сразу заполнил комнату своим ростом – одна из причин, почему в свое время ему предложили место лакея в Саммерсете. При виде жены карие глаза сощурились в усталой улыбке. Хотя медовый месяц прошел без первой брачной ночи, Пруденс не сомневалась в его любви. Ей оставалось лишь надеяться, что со временем она сумеет ответить ему тем же.

Эндрю обнял ее за талию, притянул к себе, и она ответила робким поцелуем. Сперва ее смущала легкость, с какой бывший лакей относился к физической близости. В семье Бакстонов тоже любили друг друга, но редко прибегали к наглядным изъявлениям. Видимо, на маленькой ферме, где вырос Эндрю, умели дарить и принимать любовь с легкостью, неведомой аристократам в мейфэрских особняках. После первоначального удивления Пруденс научилась радоваться непринужденности мужа, поскольку чувствовала себя особенной.

– Где ты сегодня работал? – спросила она.

Эндрю нашел контору, где нанимали поденщиков, и обращался туда два-три раза в неделю, в свободные от учебы дни.

– В порту.

Пруденс в отчаянии оглядела грязную одежду. Утром хозяйка квартиры сказала, что стирать можно в подвале, а одежду вывешивать для просушки либо там же, либо из выходящего во двор окна. Девушке не хотелось признаваться, что она не умеет стирать и даже не представляет, как подойти к делу. В пансионе они отдавали белье прачкам, поскольку стирать там было негде. Эндрю приходил в ужас от настойчивого желания жены менять одежду каждый день, и вскоре Пруденс пришлось признать, что, если продолжать в том же духе, вскоре они растратят все деньги. Крайне неохотно она начала носить блузки и юбки по несколько дней подряд и, к своему удивлению, особой разницы не заметила. Теперь Пруденс часто задумывалась, какие еще предубеждения прошлой жизни окажутся надуманными.

Эндрю обвел взглядом квартирку:

- Ты постаралась на славу. Совсем другой вид.

Но нейтральный тон убил всю радость от похвалы.

- Я знаю, что получилось тесно, но мне хотелось забрать свои вещи, пока в особняк не въехали новые жильцы.

Пруденс сама не могла понять, за что извиняется. Разве плохо попытаться сохранить свое имущество?

- А я думал, что вашу мебель перевезли в Саммерсет.

Эндрю снял пиджак и передал жене, чтобы та повесила на колышек у двери.

- Мои вещи оставили в Лондоне, - тихо ответила Пруденс. - Думаю, лорд Саммерсет не предполагал, что я задержусь у них надолго. - Она замолчала, чтобы дать обиде улечься, и продолжила: - Чемоданы я отнесла на чердак. Мне все равно не нужно столько одежды.

- Точно. Вряд ли нас завалят приглашениями на балы.

Пруденс почуяла скрывающуюся за шуткой горечь.

- Ну и отлично, - ответила она, стараясь не показывать обиды. - Иначе придется ломать голову, как отпарить твой парадный пиджак. Чаю хочешь?

- Ага.

Эндрю легонько сжал на ходу ее руку, и Пруденс поняла, что муж стыдится своих колкостей. Тем не менее она не могла выбросить из головы опасения, что зависть к полученному воспитанию будет омрачать всю их совместную жизнь. Что поделать, извиняться ей не за что.

- Умираю от голода. Ты не заглядывала по дороге в продуктовую лавку?

Пруденс поставила на плиту чайник и покраснела:

– Времени не было. Пришлось сначала все упаковывать, потом переносить сюда и расставлять. Можно спуститься в бар и заказать запеканку с мясом. Только сегодня! – быстро добавила она при взгляде на лицо мужа.

Он и так считал ее транжирой, но Пруденс действительно старалась экономить. Просто ей тяжело давалось думать о деньгах. К тому же готовая запеканка поможет оттянуть признание, что Пруденс даже не представляет, с какой стороны братья за сковородку. Эндрю полностью разочаруется в ней, когда узнает, что его молодая жена вовсе не умеет вести домашнее хозяйство. Они женаты всего несколько недель, а ей уже приходится изо всех сил скрывать свои недостатки.

Эндрю присел в изящное, обитое атласом кресло, что когда-то стояло перед камином в спальне. Пруденс считала, что нашла креслу прекрасное место рядом с плитой, но длинные ноги ерзающего на краешке мужа выглядели комично.

– Господи, я и забыла, какой ты высокий. Прости. Давай принесем из спальни старое кресло.

Эндрю с гримасой оглядел себя.

– Да уж, – согласился он и отправился в спальню за старым клубным креслом, что прилагалось к квартире. – Этот стульчик годится только на то, чтобы радовать глаз.

– Как и твоя жена, – прошептала себе под нос Пруденс.

– Что ты сказала?

– Ничего.

Пока муж устраивался поудобнее в просторном кресле, она заварила чай.

Эндрю протянул заработанные за день деньги, и Пруденс в недоумении уставилась на горстку монет.

– Мама всегда держала деньги в треснувшем кувшине на полке. Думаю, нам следует так же поступать с мелочью, которую не собираемся класть в банк.

Пруденс кивнула и закинула монеты в белую стеклянную вазу на обеденном столе. За окном с грохотом прокатил пожарный автомобиль, и Эндрю вздрогнул:

– Боюсь, я никогда не привыкну к шуму.

– Привыкнешь.

Она присела с чашкой к обеденному столу и принялась думать, о чем бы завести разговор. Она вышла замуж потому, что Эндрю поразил ее своей добротой в пору, когда практически все вокруг относились к ней с изощренной жестокостью. Пруденс упрямо выпятила подбородок. Все получится. Глупо отрицать, что свадьбу сыграли поспешно, но она не слепая. Она выбрала мужа за проявленную заботу и вдумчивость, а еще потому, что однажды тот публично вступился за ее честь, не боясь последствий.

– Завтра пойду за покупками. Я поставила в спальне у окна старый туалетный столик. Подумала, что получится хороший уголок для занятий. Если тебя не смущают позолота и розочки, конечно.

Она улыбнулась мужу, и тот рассмеялся. Напряжение в комнате развеялось.

– Как-нибудь справлюсь. Насколько мне известно, Евклид и Вергилий не обращали внимания на подобные мелочи, их занимала лишь наука.

Пруденс не переставала удивляться образованности деревенского парня. Он вырос на ферме, но часто убегал к местному ветеринару. Тот обучалмышленного мальчишку и давал читать книги. Пусть она обладала большей эрудицией в вопросах политики, мировых событий и литературы, но в точных науках, математике и географии Эндрю мог легко заткнуть ее за пояс. Молодые супруги завели привычку заходить по воскресеньям в чайную, где читали газету и обсуждали одну за другой все статьи.

В ожидании запеканки Пруденс обдумывала планы на завтра. Возможно, в книжном удастся найти кулинарную книгу и спасти положение. Бар стоял на той

же улице, через дорогу от их дома, и Пруденс присела в задней комнате рядом с дверью, помеченной как «Вход для дам». Большое зеркало за стойкой потрескалось, а сквозь прорехи в бархатной обивке стульев проглядывали клочья ваты. Пруденс передала заказ усталой официантке, что обслуживала женский зал, и с любопытством огляделась по сторонам. Как раз заканчивался рабочий день, и мужская половина кипела жизнью, в то время как в небольшом зале сидело всего несколько женщин.

И тут дверь распахнулась и впустила смеющуюся стайку девушек примерно одного возраста с Пруденс. Все они носили простые черные юбки до лодыжек, а из-под зимних пальто выглядывали белые блузки. Строгие деловые шляпки сидели без излишнего кокетства на гладко причесанных волосах. Пруденс старалась не глазеть, как девушки скидывают в тепле пальто и требуют эля. Усталая официантка с их приходом немного оживилась.

– Ну что гогочете, гусыни, – улыбнулась женщина. – Лучше бы дома сидели да заботились о мужьях, чем меня гонять. Все ноги с вами собьешь.

– Ты же без нас заскучаешь, Мэри, сама знаешь, – весело откликнулась одна из девушек.

Пруденс выпрямилась. Какой знакомый голос... Она повернулась и посмотрела на рассевшуюся за соседним столиком группку.

– Мисс Пруденс!

Худощавая рыжеволосая девушка вскочила со стула и подбежала к ней. Прижала к себе в порывистом объятии и тут же отскочила на шаг.

– Ой, простите, мисс! – Веснушчатое лицо залилось краской. – Я так удивилась, когда увидела вас.

– Кейти! Что ты здесь делаешь? Миссис Таннин сказала, что ты уволилась и нашла работу в конторе.

– Да, – гордо улыбнулась Кейти. – Спасибо сэру Филипу, я окончила Школу секретарей и нашла чудесную работу.

Товарки Кейти за столиком зашлись смехом.

– Кейти все еще думает, что это хорошая работа! – со смехом воскликнула одна из них.

– Потому что она новенькая, – откликнулась другая.

– Уж получше, чем выносить горшки за надутой знатью, – заявила третья, смерив Пруденс наглым взглядом.

Пруденс покраснела. На миг ей почудилось, что она снова в Саммерсете и прислуга высмеивает ее за принадлежность к высшему обществу. К черту! У нее было счастливое детство. Скорее всего, эти женщины не могли и мечтать о подобном. Она не собирается о нем жалеть, даже если теперь никто не принимает ее за свою. Она выпрямила плечи и буравила взглядом черноглазую нахалку, пока та не отвела глаз. Затем повернулась к Кейти:

– Значит, тебе нравится работа? Ты живешь поблизости?

Она не выдержала и обняла бывшую служанку. Из глаз покатились слезы. В отличие от Саммерсета, в доме сэра Филипа к прислуге относились как к ценным и уважаемым работникам, и Пруденс всегда симпатизировала Кейти, хотя и не общалась с ней так близко, как Виктория, однако сейчас встреча ужасно ее обрадовала.

– Я переехала к матери, поближе к конторе, – закивала Кейти. – Теперь мама может не работать и заниматься домом. Подруги снимают у нас комнаты. Все довольны. А вы как? Что вы делаете в Кэмден-Тауне, да еще в баре?

Кейти будто только сейчас осознала, где находится, и изумленно уставилась на Пруденс, хотя, судя по поведению официантки, сама частенько заходила сюда с подругами.

– Мой муж готовится к экзаменам в Королевском ветеринарном колледже. Сейчас мы сняли квартиру в Кэмдене, чтобы не приходилось далеко ходить на занятия.

Пруденс не стала уточнять, что выбрала Кэмден-Таун еще и потому, что Эндрю легко мог найти здесь временную работу. С детства ей твердо внушили, что леди не следует заводить разговор о деньгах, разве что наедине с мужем.

По дороге к столику официантка вручила Кейти кружку с пивом, и та отпила глоток.

– Надо же! Как быстро все меняется, да, мисс? В жизни бы не подумала, что вас ждет судьба домохозяйки в Кэмден-Тауне... Не в обиду будет сказано.

Пруденс рассмеялась и удивилась, почему под смехом скрываются слезы.

– Я не обиделась, Кейти. Если честно, я даже не представляю, как вести хозяйство, что в Кэмдене, что в Мейфэре. Я совершенно не умею готовить, шить и стирать.

Бывшая служанка изумленно открыла рот:

– Надо же, мне и в голову не пришло! Вы же как новорожденное дитя, мисс. Знаете что, я познакомлю вас с матушкой. Она точно поможет. Всему научит.

С плеч Пруденс свалилась огромная ноша. На миг ей показалось, что она вот-вот взлетит.

– Правда?

– Конечно. К тому же маме скучно целый день сидеть дома одной.

Официантка протянула запеканку в глубокой миске, предусмотрительно захваченной Пруденс из дома.

– Элис, у тебя есть карандаш и бумага? – спросила Кейти одну из подруг. Затем написала адрес и протянула девушке. – Приходите завтра и сами увидите, как обрадуется матушка. Она с удовольствием поделится опытом. Я лично даже близко к плите подходить отказываюсь.

– Кейти, большое спасибо!

По дороге домой Пруденс задумалась, как признаться мужу, что ей требуются уроки по домашнему хозяйству. Стоило представить себе грядущий разговор, и желудок сводило узлами. Эндрю узнает, что она никогда в жизни даже пирожков не испекла. Саммерсетские слуги правы: она всего лишь выскочка и неумеха.

Может, она сумеет оттянуть признание... В конце концов, он выполняет данное обещание обеспечивать семью, пока готовится к экзаменам, и Пруденс не хотела допускать мысли о том, что подведет мужа в первые же недели брака.

Пока она выходила за ужином, Эндрю помылся и переоделся в мягкую свободную белую рубаху и широкие брюки. Из штанин выглядывали голые ступни, а влажные волосы, чуть длиннее, чем принято, но короче, чем у художников, завивались на шее. Парень нежно рассматривал жену теплыми карими глазами. Пруденс молча протянула ему миску с запеканкой и достала тарелки. Эндрю ел с аппетитом и, казалось, полностью сосредоточился на еде.

– Вкусно? – не выдержала Пруденс.

Ей хотелось сказать хоть что-то, лишь бы разбить тишину.

– Да.

Эндрю посмотрел на нее, но тут же отвел взгляд.

«Он переживает о грядущей ночи не меньше, чем я», – с удивлением поняла Пруденс. Открытие немного успокоило ее.

– Еще хочешь?

Муж покачал головой, и Пруденс спрятала остатки запеканки в ледник. В молчании прибрала со стола и помыла посуду, пока Эндрю докладывал угля в печку.

По молчаливому согласию они принялись за вечерние дела, хотя лечь было еще рано. Когда заняться стало нечем, Пруденс взяла пеньюар и бросилась в уборную. Лицо горело от смущения, но она не могла заставить себя

переодеваться в спальне. Что, если Эндрю войдет в комнату?

Пруденс вынула шпильки и расчесала волосы, пока по спине не заструился поток черного шелка. Причин оставаться в ванной больше не было. Пришлось открыть дверь и войти в спальню. Эндрю прикрутил газовый рожок, и тот источал мягкое сияние. Она заморгала: при виде стоящего у кровати мужа забилось сердце. Он снял рубаху, и даже в полумраке Пруденс различила нажатые физическим трудом мускулы на груди и руках. Во рту пересохло.

Эндрю безмолвно протянул руки. Пруденс замешкалась, но лишь на миг. С мужем она всегда чувствовала себя в безопасности, как в спокойной гавани, где можно укрыться от жизненных бурь. Я смогу, подумала она. Эндрю протянул руки, прижал жену к себе и нежно уложил на кровать. Когда он склонился над Пруденс, в голове на краткий миг всплыла фигура Себастьяна, но девушка решительно прогнала образ. Она сделала свой выбор. Не обращая внимания на колотящееся в ушах сердце, Пруденс коснулась лица мужа.

- Эндрю, - тихо позвала она. - Эндрю.

Глава третья

Виктория постукивала пальцами по столу, ожидая ответа Кита. Он стоял перед камином в тайной комнате и тоже постукивал пальцами, только по каминной полке. Кабинет стал излюбленным местом их встреч, где друзья делились сплетнями, болтали или просто отдыхали от бессмысленных, пустых разговоров наводнивших особняк гостей.

Она нетерпеливо выпрямилась и пробежалась пальцами по блестящей поверхности любимого круглого столика, когда-то принадлежавшего дальнему предку. Давно почившего графа Саммерсета, без сомнения, шокировал бы план, о котором только что с энтузиазмом поведала его наследница.

- Давай уточним, - нахмурился Кит, и его брови встопорщились темно-рыжими гусеницами. - Ты хочешь, чтобы я помог тебе на неделю сбежать в Лондон?

Виктория встретила насмешку недовольным взглядом.

- Знаешь, обычно ты недурен собой, но сейчас больше напоминаешь людоеда из сказок братьев Гримм. Так что нечего смотреть на меня исподлобья.

Лорд Киттредж вскинул голову и изумленно уставился на собеседницу. Брови разошлись в стороны и взлетели под пробор. Девушка не удержалась и хихикнула.

- Ты считаешь меня привлекательным?

- Да, - пожала плечами Виктория. - Рыжие волосы, умный хитрый взгляд - похож на лиса. Но не задирай нос, Себастьян и Колин красивее тебя. А теперь вернемся к моему плану.

Кит закатил глаза:

- Единственный выход - привлечь Элейн. Ни за что в жизни твоя тетя не одобрит поездку в Лондон без сопровождения. И уж голову даю на отсечение, она не отпустит тебя со мной.

- Родственники знают, что я совершеннолетняя, - раздраженно дернула головой Виктория. - Так почему кузен Колин ездит куда душе угодно, а за нами с Элейн установлен круглосуточный надзор? Это нечестно!

- А ты замечала, что становишься очень милой, когда проповедуешь права женщин? - поддразнил Кит.

Виктория кинула в него ручкой и промахнулась. Чернила залили каминную полку.

- Черт побери! Посмотри, до чего ты меня довел!

- Довел? - засмеялся Кит.

Виктория встала, чтобы промокнуть пятно.

– Оставь, – посоветовал он. – Все равно сюда никто не заглядывает. Предлагаю считать его произведением искусства, в духе современной живописи.

– Ах ты! – топнула ногой Виктория.

Кит прекрасно знал, что ей нравится современное искусство.

– Тихо, не нервничай, крошка. Давай лучше сообразим, как доставить тебя в Лондон для встречи... С кем там?

– С Гарольдом Л. Гербертом, выпускающим редактором «Ботанического вестника».

– Да-да, с Волосатым Гербертом. И что ты надеешься получить от встречи?

На секунду Виктория пришла в замешательство.

– Ну, он написал, что будет рад встрече. Сказал, что мои работы наводят на интересные мысли. К тому же он заплатил за статью и ждет продолжения цикла. Может, заодно подскажет тему следующего исследования, увлекательную для читателей.

Она задрала нос в ожидании комментариев, но, к ее немалому удивлению, насмешек не последовало.

– Значит, ты никогда не видела Волосатого Герберта. А по телефону вы говорили?

Кит присел в кресло у столика и скрестил длинные ноги. Умные глаза серьезно рассматривали собеседницу.

– Нет, – беспокойно заерзала Виктория.

– Выходит, ему неизвестно, что автор научной статьи, за которую он заплатил десять фунтов, – восемнадцатилетняя девушка? – (Она открыла рот, но не нашла что сказать.) – Я обратил внимание, что ты не указала настоящего имени.

– Указала!

– Нет, ты подписалась как В. Бакстон. Значит, предполагала, что встретишься с предубеждениями относительно твоего пола.

Виктория дернула плечом. Она не даст загнать себя в угол.

– В. Бакстон выглядит солиднее, чем Виктория. Редактору понравилась статья. Какая разница, девушка я или горилла. Я собираюсь на встречу, и никакие уговоры меня не остановят. Если не хочешь помочь мне ускользнуть из-под тетиного надзора, я сама найду способ.

– Не глупи. Конечно, я тебе помогу. Иначе какой из меня друг?

Виктория с облегчением вздохнула. Безусловно, она бы и сама справилась, но с участием Кита все сложится намного проще и веселее. Трудно поверить, что они знакомы всего несколько месяцев. Кит занял в ее жизни место, где раньше обитали Ровена и Пруденс, – ведь одной больше нет рядом, а вторая с головой погрузилась в пучину грусти, и порой Виктория забывала, что у нее есть старшая сестра. А вот Кит понимал, что можно горевать, но не хоронить себя.

– Не стоит привлекать родственников. Чем больше людей знает, тем выше риск, что секрет выплывет наружу. Завтра я возвращаюсь в Лондон и пришлю тебе записку от имени подруги с просьбой погостить у нее. Кто может тебя пригласить?

Виктория сосредоточенно нахмурилась:

– Присцилла Кингсли. Сейчас она во Франции, но вряд ли тетя об этом знает. Семейство Кингсли пользуется уважением.

– А Ровена?

Ровена даже не заметит моего отсутствия, с горечью подумала девушка.

– Я ей скажу, что хочу навестить Пруденс. Они все еще не разговаривают друг с другом, так что проверить сестра не сможет.

– И где ты собираешься остановиться? Я не смогу тебя принять. И недели не пройдет, как матушка нас обвенчает. В хороших отелях тебя могут узнать. А в пансион я тебя не пущу.

– Неужели! Гляньте-ка на блюстителя хорошего тона! – откинувшись на спинку кресла, насмешливо протянула Виктория. – Ведь молодая женщина в пансионе – это так неприлично!

Кит покрылся красными пятнами, почти под цвет волос.

– К черту приличия! Там небезопасно, а это совсем другое дело. И вообще, тебе нужна помощь или нет?

Виктория закатила глаза:

– Я поживу у Кейти. Мы вместе учились в Школе секретарей мисс Фистер. – Зная, как в Саммерсете относятся к слугам, она не стала добавлять, что Кейти работала горничной в доме Бакстонов. – Напишешь письмо. Пусть приглашение будет через неделю, а я напишу Кейти. В Лондон поеду на поезде.

На губах Виктории заиграла улыбка, и сердце запело от предвкушения. Долгие годы с ней обращались как с болезненной младшей сестрой. Но теперь появился долгожданный шанс доказать родным – и, что важнее, самой себе, – что она способна на большие поступки.

На следующее утро она отправила письма Кейти и мистеру Герберту, оделась в теплую одежду и завернулась в длинный шерстяной плащ. Виктория была умной девушкой и понимала, что отправляться в приключение, не посвятив никого в свои планы, опасно. Есть один человек, которому можно рассказать все без утайки, и даже мерзкая погода ее не остановит.

На лестнице она столкнулась с кузиной. Элейн заранее переделась в бледно-розовое платье к чаю и держала в руках мягкую мохеровую шаль.

При виде Виктории Элейн взметнула брови:

– Только не говори, что собралась прогуляться. Там холодно, вот-вот начнется снегопад. Пойдем, свернемся клубочком в гостиной у камина. Будем читать, сплетничать и нежиться как кошки.

Предложение звучало соблазнительно, но Виктория хотела добраться до няни Айрис и вернуться обратно, пока погода не ухудшилась.

– Я скоро вернусь, и будем бездельничать до вечера. Обещаю даже сыграть с тобой в шашки. Мне нужно к няне Айрис. Я быстро.

– Как пожелаешь. Смотри не замерзни, малышка.

На полдороге Виктория уже пожалела о собственном упрямстве. Коттедж стоял в каких-то двух милях от особняка, и она часто навевалась туда, но почему сегодня ей не пришло в голову попросить шофера отвезти ее? Виктория чувствовала, что дышать становится тяжело – тяжелее, чем можно списать на усталость от прогулки. Няня Айрис сразу же стянула с нее плащ и усадила у огня в удобное кресло-качалку.

– Господи боже, дитя, о чем ты думала, когда вышла из дома в такую погоду?

Виктория сморщилась, но не смогла набрать достаточно воздуха для язвительного ответа. Легкие сжимал холод, а горло сужалось, как игольное ушко.

И почему она постоянно забывает брать с собой ингалятор?

– Держись. Принесу настойку.

В ярости от собственного бессилия, Виктория закрыла глаза и принялась отсчитывать промежутки между вдохами, как учил доктор. Хотя порой ей казалось, что упражнение скорее помогает справиться с паникой, чем действительно останавливает приступ. Девять... Десять... Одиннадцать... Виктория по-прежнему втягивала воздух с великим трудом. Иногда ее охватывал страх, что один из приступов закончится смертью. Виктория изо всех сил зажмурила глаза, чтобы отогнать страшную мысль, боролась с нахлестывающей паникой и продолжала размеренный отсчет. На каждый четвертый такт

приходился неглубокий вдох.

Не прошло и минуты, как вернулась няня Айрис и подсунула ей под нос дымящуюся паром чашку.

– Пей! – приказала она.

В ноздри ударил горький запах, и Виктория непроизвольно отдернула голову.

– Прекрати вести себя как ребенок, – заворчала няня.

От удивления девушка послушно сделала глоток, но не смогла сдержать дрожь, когда язык обожгло едким вкусом.

– Уж извини, не успела приправить отвар мятой и медом, но ты уже большая девочка. Так что пей, – хмыкнула пожилая женщина.

Виктория послушалась и глоток за глотком выпила весь напиток. Дыхание постепенно вернулось в норму. После приступа всегда кружилась голова, но сейчас девушка не чувствовала себя разбитой, как после ингалятора.

– Что вы туда намешали? – спросила она, когда смогла говорить.

– Лакрицу, мать-и-мачеху, куркуму и редкое растение с американского запада, гринделию.

Виктория посмотрела на вываренные листья на дне с толикой уважения:

– И откуда вы знали, что отвар мне поможет?

– Милочка, я изъездила весь мир. Мои познания простираются далеко за границы Суффолка, к тому же у меня много друзей из разных стран. Я отправила письмо знакомой из Америки, описав твое состояние, и она прислала мне семена и немного листьев этого растения.

Виктория протянула руку и погладила старую няню по щеке:

– Поверить не могу, что вы пошли на такие хлопоты ради меня. Спасибо.

Няня Айрис прочистила горло и забрала из ее рук чашку:

– Это не значит, что тебе можно выходить из дома без лекарства и ингалятора. Ты уже не ребенок. Может случиться, что некому будет срочно приготовить отвар.

Виктория пристыженно кивнула. Она пережила прошедшие со смерти отца месяцы отчасти благодаря знакомству с няней Айрис и Китом. Старая женщина прожила свою жизнь так, как девушка могла только мечтать, – смело и независимо. Когда-то она растила юное поколение Бакстонов, но после смерти маленькой Халпернии, поздней сестры сэра Филипа, покинула особняк. Отправилась путешествовать по свету, преподавала английский в далеких странах и наконец вернулась домой, чтобы провести старость в кругу семьи. Насыщенная жизнь, не связанная заботами о муже и детях. Виктория мечтала прожить свои годы так же.

Приступ миновал, и девушке не терпелось рассказать няне Айрис о грядущем приключении, но неожиданно у нее зародились сомнения. Виктория знала, что няня Айрис переживает за нее. Как она примет известие, что Виктория собирается сбежать в Лондон на неделю? Лучше слегка подкорректировать рассказ, для верности.

– Помните ту статью, что у меня купили для «Вестника»? Я приносила вам показать.

– Помню ли я? Конечно помню. Как раз на днях рассказывала о ней брату!

Женщина прошла в кухню и вернулась с чашкой чая и тарелкой печенья:

– Ешь. Так скорее избавишься от привкуса.

Виктория с удовольствием отпила чаю.

– Я послала редактору еще одну статью. – Она подождала, пока няня устроится за столом напротив, и продолжила: – Она ему тоже понравилась. Он не сказал,

собирается ли ее опубликовать, но повторил приглашение встретиться. Так что на следующей неделе я еду в Лондон!

Няня Айрис потрясенно распахнула глаза:

- Ты думаешь, это мудрое решение?

- Конечно мудрое, - нахмурилась Виктория, так как не ожидала подобной реакции. - Редактор дважды просил о встрече.

- Нет, моя милая, - покачала головой няня Айрис. - Он просил В. Бакстона. Не тебя.

- Я и есть В. Бакстон! - твердо заявила Виктория.

- Да, но мистер Гарольд Герберт об этом не знает. Я не сторонница пари, но могу поспорить, что он считает В. Бакстона молодым человеком, возможно студентом или выпускником университета. А не дочью талантливого ученого, получившей домашнее образование, пусть и изрядной умницей.

И почему все стараются испортить праздник? Мистеру Герберту понравились ее работы. Какая разница, кто их написал - мужчина или женщина? Виктория вспомнила интеллектуалов и художников, что посещали обеды ее отца. Среди них было немало женщин: например, итальянский врач Мария Монтессори и талантливый физик Мария Кюри. Никто не отмахивался от них из-за принадлежности к слабому полу.

- Я собираюсь стать ученым, так или иначе, - решительно задрала подбородок Виктория. - Отец часто говорил, что, когда занимаешься наукой, очень важно публиковать свои работы. И мистер Герберт заплатил мне за статью! Все будет хорошо.

Взмахом руки она отмела все сомнения. Надо держаться убеждения, что ее ждут великие дела, а не считать себя инвалидом, чьи легкие могут отказаться в любой момент. В противном случае она скоро окажется прикованной к постели под неусыпной опекой взволнованных родных. Она сильная. И добьется успеха во что бы то ни стало. Всем покажет, чего стоит младшая дочь сэра Филипа, и няне

Айрис в том числе.

Глава четвертая

Ровена подстегнула лошадь, и та понеслась по полю. Холод обжигал лицо, хотя она и прикрыла его вуалью. Опять тетя Шарлотта будет отчитывать ее за обветренные щеки.

После визита к соседям графиня прониклась к племяннице небывалым интересом и порой обращалась с ней как с родной дочерью. Ровена с Элейн ломали голову, но так и не поняли, что послужило причиной перемен. Обе пришли к выводу, что ее светлость готовит какой-то сюрприз и следует быть начеку.

Но на прогулках верхом Ровена забывала о существовании леди Саммерсет. Только так после смерти отца она испытывала какое-то подобие радости, если не считать полета с Джоном и поцелуя на замерзшем пруду. Но в те моменты она окуналась в настоящее счастье. Даже не счастье – блаженство.

После встреч с пилотом прошло уже несколько недель. Ровена каждый день смотрела в небо, но видела там только насмешливо каркающих ворон.

Поэтому сегодня она взяла быка за рога и отправилась в поместье Уэллс, расположенное к юго-востоку от Саммерсета. Давным-давно паж из рода Уэллсов спас жизнь наследнику Бакстонов и в награду удостоился дома и приличной доли земельных владений. За долгие годы дружба распалась, а недавние события превратили былых друзей во врагов. Но какое отношение это имеет к ней и Джону?

Ровена придержала коня и пустила его шагом. В голове металась мысли. Стоило ей убедить себя, что фамильная история Бакстонов никак не повлияет на будущее, как из глубины души поднимались сомнения. Глупо надеяться на лучшее. Как Джон представит ее матери? «Мама, это любимая племянница человека, который обманом отнял нашу землю и свел отца в могилу... но я люблю ее».

Любовь? Ровена от удивления дернула вожжи, и лошадь недовольно фыркнула. Подсознание сыграло злую шутку. Неужели она действительно ждет любви молодого пилота? Ответ пришел без промедления, и Ровене оставалось лишь гадать, почему не подумала о нем раньше. Да. Она хотела его любви. После смерти отца и ссоры с Пруденс мир стал холодным и серым, а мысли о любви согревали и дарили утешение. Но значит ли подобное озарение, что она сама любит Джона?

Ровене вспомнились русые волосы, чистая синева глаз, пронизательно и бесстрашно взирающих на мир. Храбрость и настойчивость помогали пилоту снова и снова садиться в кабину аэроплана, хотя в памяти обитали совсем свежие воспоминания о едва не ставшем роковым крушении.

Она с уверенностью могла сказать, что предпочитает общество Джонатона любому знакомому мужчине, но любовь? Но тогда зачем желать его любви, если не отвечать взаимностью? Возможно, в ней заложена склонность к кокетству, о которой она не подозревала? Или безмерное восхищение полетами смешалось с чувствами к симпатичному пилоту?

В последнее время Ровена привыкла к тоске по отцу – боль не оставляла ни днем ни ночью, – но неожиданно всплыла давняя, смягченная годами рана. Сейчас Ровена тосковала по матери. С ней она могла бы обсудить, как вести себя с молодыми людьми, и получить совет.

Тропинка расширилась и превратилась в дорогу, огороженную сломанным забором. Ровена поняла, что въехала в поместье Уэллс – заброшенное и обедневшее благодаря алчности ее дяди.

Девушка нервно сглотнула и направила лошадь через пролом в изгороди. Снова всплыла неуверенность: а чего, собственно, она надеется добиться своим приездом? Может, просто поговорить с Джоном? Он пригласил ее полетать снова, но до сих пор не исполнил обещания. Да. Она спросит о следующем полете.

Преисполнившись уверенности, Ровена подстегнула лошадь, и та рысью затрусилась по замерзшей дороге. За поворотом стоял дом. Намного меньше, чем привычные особняки, по сравнению с Саммерсетом он выглядел старше и проще, хотя не оставалось сомнений, что построены оба поместья примерно в одно и то

же время, о чем свидетельствовала архитектура и камень стен. Но если аббатство Саммерсет возводили, чтобы вызывать почтительный восторг, то поместье Уэллс строили для удобства его обитателей. Сбоку располагался пожухший огород. За ним Ровена разглядела фруктовый сад. Вытоптанная дорожка вела от парадной двери к небольшой рожице, где стоял сарай и старый заброшенный колодец под крышей. С первого взгляда становилось ясно, что здешние обитатели хоть и нанимали помощь, но и сами не чуждались работы, что Ровена сочла признаком здравого смысла. Если кормишься дарами земли, надо знать, откуда они произрастают.

Никто не выглянул за дверь, чтобы помочь ей спешиться и отвести лошадь. Стоило Ровене ступить на землю, в груди бабочкой забились сердце и уверенность испарилась. Ей здесь не место. Что, если приезд только разозлит Джона? Но зачем мужчине целовать малознакомую женщину и приглашать ее полетать вместе, если на самом деле он не хочет ее больше видеть? В конце концов, она современная барышня, а не затюканная мышка.

Ровена собрала волю в кулак и привязала коня к дереву. Животное фыркнуло. В такой холод ему бы больше хотелось стоять, накрытым попоной, в теплом стойле и отдыхать после долгой поездки. Нельзя оставлять его на холодном ветру надолго.

Бросив хлыст на землю, Ровена обернула вокруг себя и подоткнула за пояс длинный подол юбки – иначе она не смогла бы идти. Затем тихонько подошла к парадной двери. Едва замешкалась, но набралась мужества и с закрытыми глазами постучала. Она только что нарушила как минимум сотню правил хорошего тона. Оставалось лишь надеяться, что мать Джона, чей муж не так давно покончил жизнь самоубийством, не обратит внимания на подобные мелочи.

При мысли о родителях Джона Ровена едва не передумала. Что она здесь делает?

Дверь открылась. В проеме стояла девушка лет шестнадцати. Она с восхищением рассматривала гостью, ее строгий костюм для верховой езды из темного ирландского льна и кокетливо сидящую на голове шляпку. Сама девушка выглядела неопрятно: каштановые волосы растрепались, а на подоле плохо подогнанного платья темнели мокрые пятна.

– Матушка! – закричала она, затем снова уставилась на гостью.

Ровена молча смотрела на нее. Только сейчас она заметила, что девушка держит на локте корзинку с яйцами. И тут дверь захлопнулась перед носом.

Через секунду дверь снова распахнулась. Теперь на пороге стояла женщина. Потускневшие с возрастом волосы когда-то сияли золотисто-рыжим отливом, а синева глаз сразу напомнила о Джоне. Но если лицо молодого пилота отличалось резкими, умными чертами, то красоту женщины уничтожило горе. От уголков глаз вниз спускались две глубокие складки, будто вымытые потоками слез. Но сейчас женщина не плакала, наоборот, ее губы растянулись в неуверенной улыбке.

– Прошу извинить мою дочь. Гости к нам заглядывают нечасто, и она расстроилась, что не одета для приема.

Под мягким тоном Ровена уловила укор и устыдилась. Пусть хозяйка дома и не придерживалась строгого этикета, но знала, что допускается хорошим тоном, а что нет. И по ее мнению, появляться на пороге без предупреждения крайне невежливо.

– Прошу прощения, что не предупредила о визите, но я каталась верхом неподалеку и решила узнать, дома ли Джон?

Женщина удивленно приподняла брови, но лицо ее просветлело.

– Нет, он уехал пару недель назад. Он сейчас в Кенте, работает.

Ровена ощутила прилив облегчения, и все сомнения разом испарились. Джон с мистером Дирксом. Пилот избегает ее не умышленно, он просто занят работой. И почему подобное объяснение не пришло ей в голову?

– Извините за беспокойство. Я давно не получала от него известий и начала волноваться... – Ровена двинулась к лошади, чувствуя, что от радости несет чепуху.

Но женщина удержала ее за руку:

– Прекрасно вас понимаю. С такой работой я переживаю о нем ежедневно. Не представляю, откуда у него берутся силы.

– Потому что небо восхитительно! – вырвалось у Ровены.

– Вы летали на аэроплане? – потрясенно переспросила женщина.

– Джон взял меня с собой один раз, – кивнула Ровена и смущенно отвела взгляд. На щеках проступила краска. – И обещал еще.

Из дома донесся пораженный писк, и губы хозяйки дернулись в улыбке.

– Заходите, выпьете горячего чаю перед поездкой. Меня зовут Маргарет. Я мать Джона.

– Ровена.

Она не стала представляться полным именем. К счастью, о нем не спрашивали. Ей не хотелось, чтобы хозяйка с ходу выставила ее за порог. Ровену так и тянуло взглянуть хоть одним глазком на дом, где родился и вырос Джон.

– Надеюсь, я не доставлю лишних хлопот, – выдавила она, проходя внутрь.

– Конечно нет. Мы редко принимаем гостей, но не настал еще тот день, когда семья Уэллс не сможет предложить юной путешественнице чашку чая и закуску.

Ровена расслышала легкий акцент. Судя по всему, у Маргарет имелись шотландские корни. Девушка сняла плащ, и ее провели через просторную прихожую в длинный коридор с раздвижными дверями по обеим сторонам. Некоторые стояли открытыми; в комнатах весело потрескивали каминные. Низкие потолки с балками придавали дому теплую, уютную атмосферу, которой так не хватало Саммерсету. Хотя вряд ли кто-нибудь заподозрил бы в тете Шарлотте склонность к теплу и уюту.

– Надеюсь, вы не против выпить чаю в кухне. Все равно мы проводим там большую часть времени. С пятью сыновьями устраивать чаепитие в гостиной по меньшей мере неразумно – заканчивается беспорядком и испорченной мебелью.

Кухня представляла собой просторное помещение с очагом у одной стены, дровяной плитой у другой и печью у черного входа. Стены были выложены из обкатанных рекой камней, скрепленных известковым раствором, и Ровена сразу определила комнату как старейшую часть дома.

Посередине стоял сколоченный из длинных досок обеденный стол, а рядом – разделочный стол размером с небольшую кровать.

– Присаживайтесь. Я как раз поставила чай, когда услышала дикий вопль Кристобель. Как я уже говорила, гости навещают нас нечасто, и боюсь, дочка совсем одичала.

Из коридора донесся обиженный писк, но Ровена мудро сделала вид, что ничего не замечает. Она присела к столу и принялась переживать, что Маргарет начнет расспрашивать о семье и придется прибегнуть ко лжи.

Хозяйка отказалась от предложенной помощи и быстро поставила на стол чайник, чашки и легкую закуску. Затем женщина уселась напротив Ровены и уставилась на нее пронизательным взглядом.

Ровена неуютно поежилась. Ей стало не по себе от голубых глаз Джона на лице его матери.

– Как давно вы знакомы с моим сыном?

– Не очень давно. – Ровена наклонила голову, чтобы скрыть улыбку. Как быстро. – Пару месяцев, не больше.

– И как вы познакомились? Мне казалось, что все его время поглощено аэропланами.

На сей раз Ровена улыбнулась открыто:

– Это правда. Когда мы встретились, он как раз летал. Вернее, падал.

– Значит, вы та женщина на холме. – Мать Джона прикрыла рукой рот.

Девушка заерзала. Она не предполагала, что пилот расскажет о ней своей семье. А как же старший брат Джордж – он совсем не обрадовался знакомству на катке, когда узнал, что ее фамилия Бакстон. Может, он и материнская нябедничал?

– Вы спасли Джону жизнь! – раздался за спиной восхищенный голос.

Ровена обернулась. Крестобель сменила юбку и причесалась. Она налила себе чаю и присела к столу.

– Это преувеличение, – вяло возразила Ровена.

– Он прокатил вас на аэроплане, чтобы отблагодарить! – воскликнула Крестобель. – Джон сказал, что вы железная леди. Совсем не боялись, когда спасали его. И мне нравится ваш костюм для верховой езды. Я выросла из своего, а у нас нет денег, чтобы заказать новый, но, может, когда Джордж вернется из банка... А я много раз летала!

– Много раз – это дважды? – с улыбкой остановила ее Маргарет. – И не болтай так быстро, наша гостья ни слова не поймет.

Крестобель ответила недовольным взглядом.

– У меня тоже есть младшая сестра, – успокоила женщину Ровена. – Я привыкла.

– Тогда я могу быть спокойна. Вам понравилось летать?

– Очень! – Ровена не могла подобрать слова, чтобы выразить свой восторг. – Я чувствовала полную свободу, словно все, что происходит внизу, не имеет значения.

– Но это не так, правда? – раздался из холла мужской голос.

Ровена вздрогнула. Сердце подскочило в груди, но в дверях стоял не Джон. Ее бесстрастно разглядывал Джордж, старший брат пилота, – тот самый, что при первой встрече ясно дал понять, что не испытывает к Бакстонам ничего, кроме презрения.

– Джордж! – Кристобель вскочила со стула и обняла брата. – Мы ждали тебя только завтра!

– Дела пошли лучше, чем ожидалось.

– Какое счастье, – произнесла мать и поднялась, чтобы налить сыну чашку горячего напитка.

Ровена замерла на стуле в ожидании. Неужели Джордж все испортит при первом знакомстве с семейством Уэллс, когда они только начали нравиться друг другу? Мужчина вошел в кухню и в ожидании чая облокотился на разделочный стол. Он не отличался привлекательностью младшего брата: внешность портили угрюмые складки в уголках рта, да и глаза были темнее, без небесной синевы. При взгляде на Джорджа становилось ясно, что он познал тяготы забот о семье и они легли на его плечи слишком рано.

– Да, – подтвердил старший брат. – Если можно назвать удачей продажу еще одного куска земли.

– Вряд ли подобный разговор следует вести за чаем в присутствии гостя, – пожурила мать.

– Прошу прощения. Я просто удивился, когда увидел мисс... – Джордж замолчал, ожидая, пока Ровена назовет себя.

– Можете звать меня Ровеной. Благодарю за чай, но мне пора.

– Вы же пробыли у нас совсем недолго! – взмолилась Кристобель. – Мы даже не успели ни о чем поговорить!

Маргарет улыбнулась, и Ровена поднялась со стула.

– Как я уже говорила, моя дочь слишком долго была предоставлена самой себе. Ей нужно общество девочек ее возраста. Я вижу, что вы несколько старше, но тем не менее я бы с удовольствием предоставила вам возможность пообщаться. Не поужинаете ли как-нибудь с нами? Мы еще не отблагодарили вас за спасение Джона.

Ровене хотелось сквозь землю провалиться, лишь бы спрятаться от насмешливого взгляда Джорджа. И зачем она сюда приехала? Что скажет Джонатон, когда обнаружит, что она завязала отношения с его семьей прежде, чем он выразил какие-либо намерения? Но разве поцелуй нельзя считать выражением интереса? Или же в ней говорит старомодное воспитание?

– С большим удовольствием, – вяло согласилась Ровена и потянулась к плащу.

Семейство проводило ее до дверей. Всю дорогу она спиной чувствовала обжигающий ненавистью взгляд Джорджа. Женщины попрощались, и старший сын проводил ее до лошади, чтобы помочь сесте в седло. Он не стеснялся в выражениях.

– Хочу кое-что вам сказать, мисс Бакстон, и дяде своему передайте. Скажите, что нечего за нами шпионить. Больше он от нас ничего не получит. – (Ровена открыла в изумлении рот и выхватила уздечку из рук Джорджа.) – И перестаньте дурить голову моему брату. Он не предаст наш род.

Не успела она ответить, как Джордж хлопнул лошадь по крупу, и та понеслась галопом.

Глава пятая

У большинства пассажиров мерное покачивание поезда вызывало зевоту и со временем убаюкивало, но Виктория и малыш в синем матросском костюмчике не поддавались истоме. Один за другим соседи закрывали глаза, чтобы отгородиться от яркого утреннего солнца, и засыпали. Они знали, что ничем не рискуют: следующую остановку поезд сделает в Кембридже, а затем – в Лондоне.

Виктория и синеглазый мальчик сперва с интересом рассматривали друг друга, но вскоре занялись своими делами. Ребенок пересчитывал пальчики и пускал пузыри, а она сосредоточенно обдумывала план действий и мысленно отмечала пункты, где могла допустить роковую ошибку. Леди Саммерсет поверила, что племянница отправляется проведать Кингсли, и даже написала

благодарственную записку, ловко перехваченную по дороге к Кэрнсу. Перед отъездом Виктория предупредила Сюзи, чтобы та следила за другими письмами.

Ровена прекрасно знала, что сестра не захочет гостить у Присциллы Кингсли, поскольку считает ее занудой. Она думала, что Виктория едет навестить Пруденс и Эндрю. Виктория до сих пор не могла отделаться от чувства вины: при прощании прекрасные глаза Ровены налились слезами, но она обняла сестру, попросила передать молодоженам наилучшие пожелания и снабдила сестру двадцатью фунтами на случай, если Пру испытывает недостаток в средствах. Вик так и не придумала, что делать с деньгами, поскольку Сюзи не сказала ей, где живет Пруденс. Если честно, она и не спрашивала. Ей было стыдно признаться, что приложенная к письму посудомойки записка осталась без ответа.

Кит настоял на встрече на вокзале. Виктория пыталась уверить его, что сопровождения не требуется, но в глубине души вздохнула с облегчением. Сначала Кит проводит ее на Лексингтон-плейс, где располагается редакция «Ботанического вестника». Виктория отправила телеграмму Волосатому Герберту, уведомила его о приезде и своей готовности встретиться в середине дня.

С довольным вздохом откинувшись на спинку сиденья, она представляла себе, как поразит редактора знаниями и тот пригласит ее в какой-нибудь модный изысканный ресторан, где обедают серьезные люди.

Но если приглашения не последует, Кит сводит ее в «Колеридж», где она закажет огромный кусок наполеона. Затем Кит проводит ее до квартиры Кейти в... Виктория нахмурилась и нашарила в ридикюле клочок бумаги с адресом бывшей служанки. В Кэмден-Тауне. Она задумчиво прикусила губу. На этом пункте плана зиял жирный пробел. Кейти так и не прислала ответ с подтверждением, но Виктория знала, что все обойдется. Иначе и быть не может. В конце концов, они же подруги. Но если по каким-то причинам Кейти не сможет ее приютить, придется обратиться к стряпчему и попросить оплатить неделю в отеле. Хотя вряд ли дойдет до такого.

Младенец начал издавать булькающие звуки, и Виктория сурово посмотрела на него, так как он прервал ее мысли. Ребенок притих, но затем принялся булькать еще громче. Девушка пожала плечами и выглянула из окна: мимо проносились все те же унылые поля с коричневой прошлогодней травой. Но она не позволит

ничему омрачить ее радость. Виктория представила, как гордился бы ею отец. Она покажет всем, что выросла эмансипированной женщиной, в лучших веяниях нового столетия. Пусть себе Ровена хандрит, пока ее не выдадут замуж, пусть Пруденс бежит без оглядки при первом намеке на неприятности. Виктория будет независимой. Может, после встречи редактор предложит ей работу в «Вестнике», и тогда она переедет в Лондон и снимет собственную квартиру. Поживет в городе, пока не наберется опыта, а затем отправится исследовать растения по всему миру или займется чем-то в той же степени потрясающим.

Поезд затормозил с оглушительным скрежетом, отчего женщина с малышом на коленях проснулась и дернулась так сильно, что ребенок едва не слетел на пол. Кембридж, волшебное, по-спартански выдержанное царство шпилей и замковых башен, на фоне серого зимнего неба выглядел суровее обычного. Виктория поребачьи показала старинным зданиям язык: она знала, что женщин здесь не жалуют.

При виде возникающего из тумана города потоком нахлынули воспоминания. Вот они с сестрами играют в салочки в парке. Добродушные споры в кругу художников, поэтов и политиков, что числились в друзьях отца. Запомнившийся надолго ужин, когда она, Ро и Пру с распахнутыми от изумления ртами наблюдали, как Уолтер Сикерт[3 - Уолтер Ричард Сикерт (1860–1942) – английский художник.] разрисовывает стену, чтобы доказать кому-то свою точку зрения. Миссис Таннин пришла в ужас, но отец только смеялся и несколько недель не позволял смывать рисунок. Девушка улыбнулась воспоминаниям и позабыла о волнениях.

Когда поезд со скрежетом остановился на Паддингтонском вокзале, тревоги вернулись с новой силой. Но стоило Виктории шагнуть на перрон, как Кит стиснул ее в медвежьих объятиях:

– Я уже боялся, что ты никогда не приедешь!

– Олух, я же говорила, что приеду. – Виктория улыбнулась.

Костюм лорда Киттреджа сидел безупречно, впрочем как всегда. Молодой человек следил за собой, как настоящий денди, и Виктория ничего не имела против. Ей нравились хорошо одетые мужчины.

Кит взял Викторию за руку, и они стали пробираться сквозь толпу к грузчикам, занятым багажом. Кит протянул носильщику несколько монет, чтобы тот помог донести два больших дорожных чемодана, и повел девушку к выходу.

– Давай пропустим скучную встречу, и я покажу тебе достопримечательности.

Виктория со смехом хлопнула его по руке:

– Я выросла в Лондоне, так что у меня было время насладиться его красотами.

– Да, но ты не наслаждалась ими со мной. Подумай, как весело мы проведем время в Кенсингтонских садах или у Биг-Бена. Могу поспорить, что тебе под силу разговорить гвардейцев ее величества.

– Я еду в издательство! Где твое авто?

– Шофер ждет у входа. А может, сходим проверить, не рухнул ли Лондонский мост? Еще можно навестить дом, где родился Диккенс, или заглянуть в Музей мадам Тюссо. О, я придумал! Давай зайдём в «Хэрродс» и посмотрим, сможем ли мы найти вход в пресловутое Зазеркалье?

Кит распахнул перед Викторией дверцу просторного серебристого автомобиля, обошел капот и прыгнул на сиденье.

– Хватит дурачиться! Мы едем на Лексингтон-плейс. – Виктория перегнулась через переднее сиденье и вручила водителю листок с адресом. – Он немного помялся, – покраснев, добавила она. – Наверное, слишком долго вертела в руках.

– Ничего страшного, мисс. Буквы вполне разборчивы.

Девушка ответила ослепительной улыбкой, и Кит силой оттащил ее назад, на сиденье.

– Перестань смущать шофера и удели внимание мне!

– Бедняга, разве тебе нужно внимание? Неужели поклонницы недостаточно тобой восхищаются?

– Кто наплел тебе подобную чепуху? Хотя можешь не говорить. Передай Элейн, что поклонницы – плод ее воображения, не более. И даже если они существуют, сейчас я провожу время с лучшей подругой, и она выглядит весьма привлекательно.

– Правда?

В вопросе невольно прозвучала обеспокоенность. Виктория выбрала темно-серую вельветовую юбку годе и жакет в тон с каракулевым воротником и витой отделкой. На голове красовалась черная бархатная шляпка с простым пером. С одной стороны, девушке не хотелось одеваться слишком строго, на случай, если Волосатый Герберт (глупый Кит и глупое прозвище) не любит суффражисток, но с другой – ей необходимо выглядеть взрослой, уверенной женщиной.

– Правда. И кому какое дело, что подумает Волосатый Герберт?

– Мне, – оскорбленно шмыгнула носом Виктория. – Крайне важно произвести хорошее впечатление при первой встрече. Я хочу много зарабатывать, чтобы жить в свое удовольствие.

– Ага, вот и разговор о деньгах. Ты же знаешь, что в хорошем обществе о них не вспоминают.

– Глупая традиция, тебе не кажется? Особенно когда все вокруг только о них и думают.

Кит откинул голову и от души рассмеялся:

– Вот почему я так тебя люблю. Ты говоришь вслух то, о чем никто не решается упоминать.

Несколько неловких секунд в воздухе висело слово «люблю», но Виктория продолжила, будто ничего не заметила:

– Например, я не должна говорить о том, что дядя держит в руках все наши деньги, пока мне не исполнится двадцать пять или я не выйду замуж...

– Что? – выпрямился Кит. – Это невозможно. Особенно если учесть, что Ровене уже двадцать два. Она может опротестовать подобное распоряжение в суде.

– Я точно не знаю всех формальностей, – покачала головой Виктория. – Отец оставил нам неплохое наследство, но им распоряжается дядя до тех пор, пока нам не исполнится двадцать пять либо мы не найдем достойных мужей. Видимо, отец боялся, что его дочери станут жертвами аферистов.

– Вот почему вы с Ровеной переехали в Саммерсет.

Девушка кивнула:

– Мне нравится поместье, но мы с сестрой не привыкли к подобному образу жизни.

Автомобиль остановился перед высоким кирпичным зданием. По коже Виктории от страха поползли мурашки. Сейчас или никогда. Она обнаружила, что стиснула руку Кита и отчаянно не желает ее отпускать. Но нет. Как она намерена стать самостоятельной женщиной, если будет постоянно полагаться на других? Шофер вышел из машины и открыл дверцу. Грудь будто сжал обруч, а сердце мячиком запрыгало в груди. О боже! Только не сейчас. Виктория усилием воли взяла себя в руки. Как ни странно, Кит молча держал ее за руку, пока дыхание не восстановилось, – ни шуток, ни колкостей. Виктория благодарно улыбнулась и вышла из автомобиля.

– Я не знаю, сколько времени займет разговор. Давай встретимся через час?

– Хочешь, я пойду с тобой?

Виктория сжала ладонь Кита и неохотно отпустила.

– Нет, конечно, – покачала она головой. – Все будет хорошо.

Потянула на себя дверь, зазвонил колокольчик, и Виктория вступила в полутемную редакцию «Ежеквартального ботанического вестника». Она ожидала солидной обстановки, под стать уважаемому научному журналу, но контора оказалась маленькой и скучной, а стеклянные витрины с засушенными

образцами растений явно нуждались в хорошей уборке. При звуке колокольчика подняла голову пожилая женщина, со стального цвета волосами, в строгом платье. Если появление Виктории вызвало у нее удивление, секретарь ничем его не выдала. С другой стороны, девушка подозревала, что водянистые глаза за очками в проволочной оправе вообще не способны выражать эмоции.

Виктория сделала глубокий вдох и направилась к столу:

– Мне нужно поговорить с Гарольдом Л. Гербертом.

Женщина даже не заглянула в лежащий перед ней грессбук, куда записывала назначенные встречи.

– Прошу прощения. У мистера Герберта посетители. Если вы по объявлению о месте наборщицы, оставьте рекомендации.

Виктория вытянулась в полный рост (к сожалению, не слишком внушительный) и постаралась выглядеть старше и увереннее.

– Я недостаточно ясно выразилась. У меня назначена встреча с мистером Гербертом. Меня зовут В. Бакстон, и я... э-э-э... занимаюсь ботаникой.

Девушка горько пожалела, что запнулась. Женщина метнула на нее взгляд, где ясно читались сомнения, но заглянула в журнал, сделала пометку и поднялась.

– Подождите.

Секретарь прошла по узкому коридору. До Виктории донесся хлопок закрываемой двери. Виктория замерла, боясь дышать. Она оглядела дюжину темных ящиков для бумаг по одной стене и несколько изданий «Вестника», разложенных на столе. Женщина вернулась и жестом пригласила проследовать за ней в тесный, узкий кабинет.

Виктория едва успела разглядеть небольшой деревянный стол с поцарапанной столешницей, как на нее набросился приземистый лысеющий мужчина в длинном черном сюртуке. В голове промелькнула неуместная мысль, что Волосатый Герберт не может похвастать богатой шевелюрой.

– Что все это значит, юная леди? – услышала она низкий скрипучий голос. – Или вы решили сыграть со мной шутку?

Хотя редактор ненамного возвышался над ней, ярость сделала его больше и страшнее. Виктория отступила на шаг:

– Не понимаю, о чем вы. Я В. Бакстон, и у меня назначена встреча с выпускающим редактором. Вы Гарольд Герберт?

– Разумеется, а вот вы никак не В. Бакстон!

От кончиков пальцев по телу побежала дрожь. Еще никто не кричал на нее. Пруденс и Ровена порой ссорились и визжали друг на друга, как ведьмы, но никто из родных и знакомых не повышал голос на Викторию.

– Уверяю вас, это правда. Если вы будете столь любезны и позволите мне присесть, я покажу наброски будущих статей...

– Я не желаю смотреть на ваши статьи. Если вы и есть В. Бакстон, то повинны в мошенничестве!

– О каком мошенничестве может идти речь, если я та, за кого себя выдаю?

– Я считал, что В. Бакстон – мужчина. И собирался обсудить возможность сотрудничества с мужчиной, а не с юной девицей!

– Но вы приняли мою работу и даже заплатили за нее. Как вы можете отрицать тщательность проведенных исследований, если сами сочли их достаточно вдумчивыми и интересными, чтобы опубликовать в журнале! Я приехала по вашей просьбе, обсудить нюансы новых работ.

– Я не знал, что вы женщина. И ваша статья не появится в «Вестнике». Выплаченные деньги можете оставить себе.

Виктория уставилась на редактора с раскрытым ртом. В глазах закипали слезы.

Мистер Герберт прочистил горло:

– Буду откровенен, мисс Бакстон, если вас действительно так зовут. Не хочу оставлять почву для сомнений. Дамам не место в науке, моя милая леди, вы просто не годитесь для подобной работы. Ваш мозг устроен иначе. Хотя некоторые женщины становятся хорошими помощницами своим мужьям. Скажу прямо: скорее мир перевернется, чем «Вестник» предпочтет вашу статью любой из написанных мужчинами. Ведь им надо зарабатывать на жизнь, чтобы обеспечить семью. Не хочу показаться жестоким, но такова правда.

В середине его речи сдерживаемые девушкой слезы пролились и потекли по щекам. Виктории безумно хотелось затопать ногами или швырнуть что-нибудь на пол, но дни, когда она могла истерикой добиться своего, давно миновали. Да и не стоит еще сильнее портить мнение редактора о женщинах.

– У вас есть дочери, мистер Герберт? – внезапно спросила она.

Мужчина удивленно уставился на нее:

– Есть. Моя дочь – хорошая девочка, помогает матери по дому и не сует нос в неподобающие дела.

В раздражении от собственной слабости Виктория смахнула со щек слезы, чтобы взглянуть на вызывающего презрение человека сухими глазами.

– Как вы думаете, сегодня она гордилась бы вами? Вы отказываетесь даже обсудить работы молодого автора только потому, что я принадлежу к неугодному вам полу. – Редактор приготовился снова бушевать, но девушка предупреждающе вскинула руку. – Я очень горжусь своим отцом, мистер Герберт. Он никогда бы не сделал того, что совершили вы. Он понимал, что и женщины, и мужчины могут в равной степени питать страсть к науке.

– Возможно, причина в том, что ваш отец не ученый, мисс Бакстон. Позвольте пожелать вам хорошего дня.

Мистер Герберт отвернулся, и Виктория направилась к двери, но на пороге обернулась:

– Вы ошибаетесь. Моего отца звали сэр Филип Бакстон, и он не только известен своими работами в ботанике, но и получил за них рыцарское звание. А теперь позвольте откланяться.

Девушка вышла из кабинета с высоко поднятой головой, но самообладания хватило лишь на то, чтобы миновать стол секретаря и выйти за дверь. Сейчас она стыдилась собственной глупости. Неужели она действительно надеялась, что, раз ей повезло родиться в семье, где ценили за заслуги и не обращали внимания на предрассудки, все вокруг считают так же? Ведь даже мадам Кюри как-то рассказывала о надменном отношении многих ученых мужей. Но Виктория не усвоила урока. Вместо того чтобы продолжить писать под псевдонимом, ей захотелось получить всеобщее признание своего таланта. Что за нелепая гордость! Девушка увидела ожидающий у тротуара автомобиль Кита, и из глаз брызнули свежие потоки слез. Неужели придется признаться другу в пережитом унижении! Виктория проскочила мимо машины, и через секунду за спиной хлопнула дверь.

– Что случилось? Он тебя обидел? Хочешь, я вызову его на дуэль?

– Нет! Просто можешь сказать, что предупреждал. Ты же знал, что так и будет.

– Я пока даже не знаю, что случилось. Откуда, если ты не захотела взять меня с собой?

– Меня прогнали, даже не выслушав. Для женщин открыта только вакансия наборщицы. Редактор в итоге отказался печатать даже первую статью.

– О господи! Прости.

Жалость в голосе Кита вызвала желание стукнуть кого-нибудь.

Предпочтительно его самого. Виктория сунула Киту в грудь свой ридикюль, и он послушно его подхватил.

– Но ты же знал, что так выйдет! Знал! Почему?

– Я не знал, но догадывался. Большинство мужчин пока не готовы к таким женщинам, как ты и Ровена.

Виктория, со стиснутыми кулаками, повернулась к нему лицом:

- Но это...

На языке вертелось слово «нечестно», но ей не хотелось выглядеть ребенком. Будто она ожидала, что жизнь идет по каким-то правилам, хотя их нет и уповать на них наивно.

- Неправильно, - закончила девушка, избегая взгляда Кита.

Она не сомневалась: он прекрасно понял, что она собиралась сказать, и Виктория смутилась от собственной избалованности и незрелости. И почему мир в качестве исключения должен относиться к ней честно?

- Это неправильно, - повторила она, развернулась и зашагала по тротуару.

- Виктория! Ты куда?

- Не знаю.

Краешком глаза она заметила поданный шоферу сигнал. Автомобиль медленно тронулся с места. Виктория чувствовала себя глупой девочкой, нуждающейся в няньке. Мысль о том, что над ней трясутся, как над бомбой с зажженным фитилем, разозлила еще сильнее. Но как заставить окружающих воспринимать ее серьезно, если она сама продолжает вести себя как ребенок?

Глава шестая

Мать Кейти оказалась высокой, худощавой женщиной с выцветшими каштановыми волосами и живыми черными глазами, излучающими тепло. Она выглядела не намного старше дочери, и лишь артрит выдавал настоящий возраст. Распухшие суставы придавали рукам сходство с узловатыми корнями. После долгих лет, проведенных за грязной поденной работой, женщина с удовольствием ухаживала за домом и восхищалась успехами дочери и трех ее подруг. Мюриэль Диксон не жеманилась и открыто говорила о незаконном

происхождении своего ненаглядного дитяти. Хотя гораздо охотнее она поведала Пруденс о том, как гордится, что Кейти сумела пробиться в жизни и работала служащей в конторе. Сэр Филип Бакстон, благодаря которому и стало возможным чудесное превращение, причислялся в этом доме к лику святых.

– На землю его послал сам Господь Бог, не иначе. Это уж как пить дать, – закончила хвалебную речь мать Кейти.

Уже полмесяца два раза в неделю Пруденс приходила к Мюриэль, училась вести хозяйство, послушно поддакивала восхвалениям в адрес покойного сэра Филипа и пожимала плечами в ответ на недоумение по поводу ее мастерства в содержании дома, а точнее, его полного отсутствия.

– Поверить не могу, что ты даже пироги печь не умеешь.

Женщина пораженно покачала головой и сунула руки в миску с тестом. Пруденс, как могла, старалась повторять движения наставницы. На прошлой неделе она научилась готовить булочки и гладить постельное белье. Девушка выстирала и высушила простыни дома и принесла их Мюриэль для глажки. Обучение прошло хорошо. Пострадала только одна простыня, но пожилая женщина заверила, что, если заправить прожженный угол под матрас, Эндрю ничего не заметит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/dzh-braun/zimniy-cvetok/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

И почему мне приходится учить эту дурочку? (фр.)

2

Выбирайте выражения, я-то говорю по-французски (фр.).

3

Уолтер Ричард Сикерт (1860–1942) – английский художник.

Купить: <https://telnovel.me/t-braun/zimniy-cvetok-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)